

НАШИ • ТАМ

ЧУЖИЕ — СВОИ

ДМИТРИЙ СОЛОВЕЙ
**ВЕРНУТЬ
ИЛИ ВЕРНУТЬСЯ?**

Наши там (Центрполиграф)

Дмитрий Соловей

Вернуть или вернуться?

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос-Рус)6-4 УДК 821.161.1-31 ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С60 ISBN 978-

Соловей Д.

Вернуть или вернуться? / Д. Соловей — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09098-0

Россия. Конец XIX века. Не гремят ещё революции, жив Александр III, Лев Толстой уже написал «Войну и мир», а Рудольф Дизель ещё не запатентовал свой двигатель... Главный герой, поддавшись на уговоры друга, покупает дом в старой части Краснодара и... открывает временной портал в 1887 год. До Октябрьской революции ещё тридцать лет. Есть время что-то изменить в истории.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос-Рус)6-4 УДК 821.161.1-31 ББК 84(2Рос-Рус)6-4 С60
ISBN 978-

ISBN 978-5-227-09098-0

© Соловей Д., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Соловей

Вернуть или вернуться?

© Соловей Д., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1

О том, чтобы купить недвижимость в городе моего детства, я подумывал последние пару лет. А тут Артём Коваленко буквально насел на меня. Встретились мы в середине лета, когда я прилетел проводить родню. Попытался вызвонить кого-то из старых друзей, но, кроме Артёма, никого не отыскал.

– Славка сейчас на курорте, Женька копается на даче, о Пашке Тынянове ты в курсе, – перечислял Артём при встрече, кто где находится.

Насчёт Пашки я только вздохнул. Сам на похоронах не был, но ребята мне сообщили об этом печальном событии.

– Пашкин сын, кажется, на нашем факультете учиться? – припомнил я.

– Угу, пошёл, так сказать, по стопам отца, – кивнул Артём. – На последнем курсе пацан. Рано остался сиротой. Я ему на лето подкинул работёнку.

С Артёмом мы неплохо посидели. Тогда же он меня по пьяни и начал уговаривать купить недвижимость.

– Понимаю, что ты как риелтор хочешь мне чего-нибудь всучить по-приятельски, – отбрыкивался я от сомнительного предложения. – Но зачем мне эти халупы?

Виталий, какие халупы? Нормальные дома в частном секторе старой части города. Зачем тебе элитные постройки? Сам же говорил, что хочешь домик, недорогой, чтобы только деньги вложить. Не клади яйца в одну корзину, – глубокомысленно изрёк приятель и заржал.

Трёп на тему недвижимости в Краснодаре я позабыл уже через несколько дней, как улётел. А Коваленко запомнил и решительно был настроен мне что-то подобрать. Когда-то я продал доставшуюся мне от матери однокомнатную хрущёвку. Родственники дружно осудили такой поступок. Оправдываться ни перед кем я не собирался. На тот момент нужны были деньги, а не квартира в Краснодаре. На мнение родни мне по-прежнему было наплевать, но сейчас я мог спокойно приобрести недвижимое имущество. И если бы не давняя мысль купить для младшей племянницы квартиру, я на предложение Артёма не отреагировал бы. Конечно, пока дарить дом я никому не собирался, но девчонка хотя бы не будет ютиться с родителями и семьёй брата в трёхкомнатной квартире.

– Виталя! Лети сюда, родной! Я тебе подобрал отличный вариант, – увещевал приятель по скайпу. – Историческое наследие. Дом какого-то купца аж от 1885 года.

Срывать и лететь сломя голову я не собирался. Попросил для начала предоставить все документы и подробные фото. То, что в таком доме потребуется капитальный ремонт, я ничуть не сомневался. И почти согласился на покупку. Здесь сыграл ещё тот факт, что по случайному совпадению мой дом в Англии тоже был 1885 года постройки. И пусть предыдущие владельцы содержали его в хорошем состоянии, мне всё равно пришлось много чего менять, включая полы, проводку и кровлю. Поэтому, что такое дом конца позапрошлого века, я хорошо представлял.

На присланном Артёмом фото владение выглядело неплохо. По крайней мере, здесь крышу менять точно не нужно. А всё остальное... С другой стороны, если сравнить с какой-нибудь хрущёвкой середины семидесятых, то ещё спорный вопрос, где больше вкладываться в ремонт. Время постройки дома явно отпугивало покупателей. Цена же показалась мне вполне демократичной.

Пару дней я ещё разглядывал фотографии, а потом всё же решился. Куплю. Отремонтирую, и пусть племянница Танюшка живёт. Со временем решу, как и что.

Для оформления покупки я прилетел буквально на три дня. Перечислил деньги, оформил на Артёма нотариальную доверенность, да и спихнул ему всю документацию. Хотел он подзаработать – вот пусть и суетится.

Сам дом меня не очень разочаровал. В целом это было именно то, что я и ожидал увидеть. Крепкие стены и новая крыша – это единственное, что выглядело достойно. Всё остальное требовало серьёзного ремонта. Не особо порадовал и небольшой внутренний двор. Я примерно понял, отчего такая низкая цена у владения. Когда-то давно здесь были каретная, конюшня и флигель, сейчас все эти подсобные строения принадлежали соседям. Ни своих ворот, ни гаража, ни просто места, где приткнуть автомобиль, не имелось. От былых купеческих владений остались только сараюшка и старые «удобства во дворе».

Отсутствие места для автомобиля было главным минусом дома. Впрочем, меня это ничуть не волновало. Жить здесь постоянно я не собирался. Может, кто-то скажет, что это не самое выгодное денежное вложение, но мне так захотелось. Пока дом смотрелся не ахти как презентабельно, но это всё решаемо.

О том, что в доме имеется водопровод и тёплый туалет, Артём поведал в первую очередь. Также он нахваливал огромный подвал. Кстати, наличие подвала меня удивило. С учётом того, что фундамент здания относительно невысокий, подвал был метра два глубиной. Причина, по которой я удивлялся, очевидна – на Кубани близко грунтовые воды. Конечно, сейчас можно всё надёжно забетонировать и покрыть специальными материалами, но не сто лет назад, когда устраивался подвал.

У моей покойной бабки со стороны матери подобная яма имелась под летней кухней. Дядька, будучи молодым, в порыве энтузиазма решил выкопать хранилище для овощей. На пару с соседом они вырыли за неделю солидную ямищу. По воспоминаниям бабушки, дядька ходил гордым и хвастался «трудовым подвигом» ровно до первого проливного дождя. А затем яма наполнилась водой где-то по колено. Засыпать свой труд дядьке было лень, тем более они с соседом уже утрамбовали лишний грунт вокруг кухни. Так яма и осталась на долгие годы. Прикрыли её досками, а засыпать не стали. Периодически вода на дне ямы высыхала, но после дождей в ней снова поднимался уровень. Эти земельные работы все соседи ставили друг другу в пример, посмеиваясь над дядькой.

Пользоваться подвалом в доме я не планировал, но не удержался и обследовал, подсветив фонариком от мобильного. Основательность предков впечатлила. Подвал был вымощен добротным кирпичом «на известняке». И точно стены не в один слой, если вода внутрь не проникала. Сырость, конечно, ощущалась, но не сильная.

Кроме подвала ничего примечательного в доме не было. Разве что нарядный фасад, характерный для строений второй половины XIX века. Купец, построивший дом, был не особо зажиточным. Постройка имела всего один этаж. В плане дом напоминал букву «L». Парадная зала и гостиная выходили окнами на улицу, а остальные помещения были скрыты от посторонних глаз.

Дом неоднократно перестраивали. Сейчас он имел четыре комнаты, кухню и ванную с туалетом. Причём попасть в туалет можно было только из кухни. Похоже, раньше там были кладовые, которые перестроили для конкретных нужд. Немного мне не понравилось, что все комнаты, кроме спальни, были проходными. А одно помещение так ещё и завалено старыми вещами.

– Виталя, наймёшь «газель» с грузчиками, и тебе это барахло за час вывезут, – суетился Артём.

Изначально мы договаривались, что предыдущие жильцы освободят комнаты от мебели. Они и освободили, забрав всё, чем пользовались. Комната, расположенная перед кухней, выполняла роль склада, и освобождать её никто не стал. Чего там только не было! Шкаф, стоящий у торцевой стены, вполне вероятно, помнил самого купца. Специально подошёл посмотреть на этот мебельный изыск. Кажется, это называется сервант или буфет. Опрометчиво я распахнул нижнюю дверцу и чуть не был погребён под кучей хлама. Дверца крепилась на одной

верхней петле. Повезло, что вторая была надежно приколочена гвоздями. Обрушившиеся на меня старые кастрюли, сковородки и прочий скарб я спешно затолкал назад и прикрыл дверку.

Сейчас заниматься вывозом этого мусора времени у меня не было, а вот через месяц, когда будут готовы все документы на право владения, я возьму на работе две недели отпуска и постараюсь за это время найти бригаду ремонтников. По-хорошему, нужен человек, который будет следить за строителями. Танюшку привлекать я не хотел. Во-первых, дом должен стать для неё сюрпризом, а во-вторых, я сомневался, что она справится с поставленной задачей. Почти сразу мне в голову пришла идея привлечь Артёма.

– Когда мне заниматься твоими строителями?! – возмутился друг. – Да и заплатишь ты за этот надзор немного.

И снова я задумался, кому поручить столь ответственное дело. Артём, вникнув в мою проблему, предложил неплохой вариант:

– Пашкиного сына пригласи. Пацан учится по нужной специальности. Лишние деньги ему не помешают. Заодно наберётся опыта и сделает себе портфолио.

С Серёгой связаться я не успел, но Артём чувствовал себя обязанным, раздобыл и телефон, и имейл парня. В течение недели мы обсудили предполагаемый объём работ. Я сразу сказал, что на стиль, цвет и прочие дизайнерские изыски мне наплевать. Требуется бюджетный вариант ремонта, но с полной заменой электрики и сантехники. По поводу выбора кафеля, краски и прочего я тоже не буду изгаляться. Что окажется в нужном количестве в магазине, то и куплю.

Оформить отпуск мне удалось только с тридцатого сентября. Никого из родственников извещать я не стал. Ночевать планировал теперь уже в своём доме. Надувной матрас, одеяло и белье я приобрёл ещё в предыдущий визит. На кухне имелся необходимый минимум предметов, а задерживаться надолго я не собирался. С Серёгой договорился встретиться в воскресенье.

За оставшиеся до выходного дни я успел обежать магазины со стройматериалами. С покупкой плитки, сантехники, металлопластиковых труб и новых радиаторов проблем не возникло. Плати деньги – и всё привезут на место. Машины здесь у меня не было, так что я постарался сразу закупить побольше материалов. Взял с запасом цемента, затирочных смесей и прочего, что требовалось в первую очередь. Пока ждал своего помощника, схематично набросал, что хочу увидеть в результате и какие требования нужно предъявить строителям.

Серёга мне сразу понравился. Он был похож на Пашку. Именно таким я помнил своего друга в студенческие годы – серьёзным и ответственным.

– Виталий Валентинович, мы сейчас все помещения вместе промеряем, чтобы было быстрее. И потом поговорим о сроках и оплате работы бригады, – сразу приступил к делу парень.

С лазерной рулеткой мы измерили всё меньше чем за час. Я щёлкал, Серёга записывал. План я ему заранее не переслал, но и так получилось хорошо. Пусть тренируется на будущее. Обсуждать «концепцию» устроились на кухне. Только здесь имелись стол и три табуретки. Чайник и пару чашек я отмыл ещё с вечера. Холодильника не было, но купленное печенье в нём не нуждалось.

– Что делать с потолком? – задал Серёга вопрос.

– Гипсокартон, – однозначно ответил я.

– Полы снимаем?

– Снимаем, – вздохнул я. Класть поверху ламинат смысла не было. По углам комнат доски вызвали сомнение. Лучше сразу заменить на новые. – Окна и двери тоже на замену, – продолжал я перечислять, а Серёга записывать.

– Получается, только стены сохраняются, – хмыкнул парнишка.

– Они здесь толстые и крепкие, – подтвердил я. – Следов сырости не видно, значит, дом тёплый.

– А что по поводу крыши? – поинтересовался Сергей.

– У нас сейчас есть прекрасная возможность её проверить, – сообщил я.

Пока мы распивали чай, на улице начался дождь. В первые полчаса он только моросил, но теперь лило как из ведра. Если крыша где-то протекает, сразу будет заметно. Жаль, толком проверить чердак не получилось. Посветили мобильниками, дружно перемазались в пыли и решили, что нареканий нет.

Спустившись с чердака, я вспомнил о подвале. Что с ним делать, пока не решил, но Серёге стоило показать помещение.

– Здесь есть подвал? – удивился Сергей.

– Шикарный. Может, устрою в нём бомбоубежище на случай ядерной войны, – пошутил я. – Идём покажу.

То, что подвал был оборудован ещё во времена купца, я даже не сомневался. Похоже, первый владелец дома предпочитал хранить всё самое ценное рядом.

– В подвал ведут два входа, – просвещал я Серёгу по пути. – На улицу мы сейчас не пойдём, но поверь, там всё сделано основательно, на века.

Кстати, Артём мне демонстрировал подвал как раз со стороны улицы. Я даже решил, что это вход в подземный гараж. Но для гаража спуск по ступеням был слишком крутой и неудобный, хотя и широкий. А те ступени, что вели вниз из люка в коридоре, имели ширину всего сантиметров шестьдесят. Не винтовая лестница, но два пролёта имелось.

– Предки явно были ниже нас ростом, – оценил парень спуск. – Электричества нет?

– Артём утверждал, что внизу была проводка по стенам. Похоже, предыдущие владельцы всё содрали и увезли.

– Как-то не очень уютно, – поёжился Серёга, подсвечивая фонарём мобильного.

Тут ещё на улице бабахнул гром, добавляя неприятных ощущений.

– Наверное, последняя гроза в этом году, – заметил я, уводя парнишку дальше в подвал.

– Действительно, отличное бомбоубежище, – также постарался пошутить Сергей. – Но для винного погреба тоже годится.

– Я думал о тренажёрном зале.

– Вопрос в том, можно ли протащить сюда тренажёры? – усомнился Сергей, переместив луч фонаря на ступени.

– С этой стороны точно не пронести, зато у второго выхода ширина почти два метра.

– Этот подвал под всем домом, что ли? – огибал ряд опорных свай Серёга.

– А как иначе? Предыдущие хозяева имели здесь не то мастерскую, не то склад, – кивнул я на оставшийся ящик со старыми инструментами.

Ступени противоположного входа в подвал поворота не имели, но прерывались одной площадкой.

– Как странно устроено, – заметил Серёга.

– Скорее всего, купец устраивал поверх ступеней деревянный настил, по которому в подвал скатывались бочки, – предположил я. – Для того и сделана площадка посередине, чтобы бочка с разгона не ухнула вниз.

– А ещё здесь была вторая дверь, – показал Серёга на стену. – Видите? – Поднявшись на площадку, он осветил какие-то древние балки на ней.

– Мы с тобой как археологи, – хохотнул я. – Но вполне вероятно, имелся своеобразный тамбур. Зимой не пропускал холод, а летом жару.

– Разумное решение.

С этим я согласился и тоже посветил на перекрытия.

– Как думаешь, не нужно здесь ещё укрепить? – спросил я.

– Можно потом проверить, но, кажется, в этом месте сварная металлическая рама, – ткнул лучом света куда-то в сторону Сергей.

Убедиться в этом мне захотелось самому. Преодолев несколько ступеней, я добрался до площадки. Рама действительно была.

– Может, снести все ступени и сделать пологий спуск для подземного гаража? – предложил Серёга.

– И как ты перенесёшь сюда автомобиль? Выезда со двора у этого домовладения нет, – напомнил я. – Только выход из дома.

– Жаль, – искренне огорчился парнишка. – Такие площади зря пропадают. Не, серьёзно, хорошо сделано, на века. Дождь отсюда почти не слышно. А как вход оформлен снаружи?

– Напоминает пристрой с воротами, – объяснил я. – Сейчас смотреть не пойдём.

– Не очень-то и хотелось под дождь лезть, – пробормотал Сергей и стал спускаться обратно.

На улице стихия разбушевалась не на шутку. Громыхало так, что даже в подвале было слышно. Нужно принести мощный фонарь и ещё раз всё осмотреть. Неожиданно мне показалось, что по верхней горизонтали той металлической рамы блеснула вода.

– Серёга, посвети-ка, – передал я ему свой телефон и ухватился двумя руками за перекладину.

В этот момент бабахнуло так громко и рядом, что у меня заложило уши. Почти сразу ладони обожгло и по телу будто пропустили электрический разряд. Мой вопль разнёсся под сводами подвала, и наступила темнота.

Глава 2

– Во долбануло, – с кряхтением начал я подниматься на ноги. – Серёга, ты где? – Здесь, – зашебуршал где-то внизу парень.

– Мобильники уронил?

– Я нечаянно. Вы так засверкали, что я испугался.

– Да, приложило меня конкретно, – пощупал я ладони. – Голова просто раскалывается.

Серёга отыскал один телефон и продолжил поиски второго, освещая пространство у себя под ногами. Я же, придерживаясь за стену, начал осторожно спускаться с лестничной площадки в подвал. Ощущал себя как-то странно. По идее, обжечь должно было руки, но почему-то болела голова. Повезло, что жив остался при таком ударе молнии. Нужно потом проверить, как там эта рама закреплена. Вероятно, наверху устроен громоотвод. А я во время грозы вцепился руками за заземление. С другой стороны, кто в наше время делает громоотводы? Молния вполне может отыскать более подходящий объект. Новое здание госпиталя не так далеко. Есть куда ударить и без моего несчастного подвала.

Мои рассуждения о грозах и молниях прервал неожиданный вопль Серёги:

– Ты кто?! – И он ослепил меня двумя мобильниками.

– Серый, тебе тоже досталось? – не понял я.

– Виталий Валентинович, вы где? – задал парень странный вопрос и начал обшаривать лучами света позади меня.

– Ты чего? – недоумевал я.

Сергей адекватным не выглядел. Начал пятиться назад, запнулся о ящики с сушёной рыбой. «С рыбой?!» – не понял я, забыв, о чём только что подумал. Серёга тем временем осветил то, что находилось в подвале, взвизгнул и помчался на выход, оставив меня в темноте.

«Сейчас Маруську напугает, идиот», – снова посетила меня «неродная» мысль.

Спотыкаясь о бочонки с квашеными огурцами и ящики с рыбой, я тоже двинулся в сторону люка, пытаюсь сообразить, что вообще происходит, откуда это добро в подвале и почему я знаю (!), что здесь хранится? К тому же ориентиром служило скудное освещение из подвального выхода в дом. Добирался до ступеней я не в пример медленнее Серёги. Хорошо, он ещё крышку люка не захлопнул. Чего он так напугался?

Преодолев ступени, я вышел в коридор и оттуда сразу в залу. После подвала яркий свет неприятно ослепил. Даже рукой пришлось прикрыться. Попутно я отметил, что на мне вместо футболки рубаха. «Матушкой ещё вышита. На вырост шилась», – в очередной раз «вспомнил» я нечто странное. И почти сразу наткнулся взглядом на сапоги на своих ногах. Бл... Когда это я кроссовки на эту обувь променял? Глаза слезиться уже перестали, и я осмотрелся. Не меньше минуты я стоял с открытым ртом, не находя никакого объяснения тому, что видел. Похоже, пока мы с Серёгой бродили в подвале, нас посетило какое-то новомодное ТВ-шоу. Мебели наташили. Ха! Даже фикс у окна в кадке поставили.

– О! – заметил я ещё один интересный предмет. – Знакомый сервантик и почти целый.

Порадоваться тому, что я нашёл объяснение всем непоняткам, не успел. Задняя зеркальная стенка буфета отразила меня самого. Вот тут мне стало совсем нехорошо. Рукавом рубахи я отёр со лба пот и продолжил разглядывать отражение. Тот, кого демонстрировало зеркало, выглядел лет на восемнадцать. Вернее, я откуда-то знал, что «мне» восемнадцать. И это был точно не Я!!!

Тем временем дверь, ведущая из залы в гостиную, распахнулась. Пахнуло жареной рыбой, а в комнату ввалился Серёга с очумелым выражением лица.

– Сергей, ты как вообще? – не мог не поинтересоваться я.

– Херово, – пробормотал парень.

Я оглядел его с ног до головы.

– Но всё лучше, чем мне. Ты хотя бы в своём теле. А моё неизвестно где потерялось.

– Чего? – уставился на меня Сергей.

– Говорю, что это я – Виталий Валентинович, но в новом... хм... образе.

Сергей меня слушал, но насколько воспринимал мои слова, оставалось только гадать.

– У тебя в руке мой мобильный телефон. В рюкзаке блокнот, где ты записывал размеры.

Потом мы пошли в подвал, и там случился большой бабах.

Неожиданно моя речь была прервана. Снова дверь в зал распахнулась, и на пороге возникла дородная деваха. По какой-то причине у меня в сознании она ассоциировалась с именем Маруся.

– Микола Иванович, у вас гість? А я чую, що хтось прийшов, та не бачу.

– Маруся, пішла вон, на кухню! – рявкнул я на девку. – Гость из Питербурга прибыл, а ты тут припёрлась.

Служанку после моего окрика словно ветром сдуло.

– Откуда это... эта... – ошеломлённо оглянулся Сергей.

– Ты на улицу успел выскочить? – прервал я его.

– Да. Там всё совсем не так, не то.

– Вот и у меня в голове не так и не то, – вздохнул я. – Знаю, что я Виталий Белов, но почему-то оказался в теле Николая Ситникова, между прочим, 1869 года рождения.

– Виталий Валентинович? – переспросил Серёга и протянул на ладони свой телефон.

– Если это проверка на вшивость, то это не мой мобильник, – хмыкнул я.

– Теперь верю, – начал успокаиваться Сергей, обменяв телефоны. – Только непонятно, как мы здесь оказались.

– Какая разница, нам, главное, нужно вернуться обратно, – ответил я.

В люк мы буквально влетели, да и потом между бочками довольно шустро пробирались. И затормозили только возле распашных дверей на лестничной площадке противоположного входа в подвал.

– Серёга, давай снова свети, – вернул я свой телефон и занялся исследованиями.

Открыть дверь получилось без вопросов. Запиралась она на засов изнутри, но дальше всё застопорилось. Нет, конечно, во двор мы вышли, покрутились и вернулись обратно в подвал, потому что наверху был двор купца второй гильдии Ивана Григорьевича Ситникова.

– Вы как-то за раму сверху держались, – напомнил мне Серёга.

– Держался, – не стал я возражать. – Только сейчас этой рамы нет. Плюс, если помнишь, в неё как раз молния долбанула. Вероятно, открылся временной портал и нас переместило.

– Серьёзно?! – воскликнул Сергей.

– Есть другие идеи или версии или тебе доказательств мало?

– Ну... так у вас другое тело, – напомнил мне парень.

– Знаешь, если бы в тебя стукнула молния, то не факт, что ты выжил бы, – огрызнулся я. – Моё же сознание переместилось во времени, нашло подходящее тело и обосновалось в нём.

– А я тут при чём? – жалобно поинтересовался Сергей.

– Не знаю, – вздохнул я и присел на ступеньку. – Давай позже вернёмся и проверим ещё раз. Маруся скоро на обед позовёт, не нужно ей видеть, что мы по подвалу шаримся.

– Откуда вы знаете, что позовёт? – спросил Сергей.

– Память прошлого владельца всплывает. Так-то я ничего об этом Николае не помню, но информация появляется какими-то фрагментами.

И только мы расположились на диване в гостиной, как заглянула Маруся.

– Микола Иванович, подавати общ або батька почекаєте?

– Батьку ждати не буду, подавай, – скомандовал я, попутно размышляя, как лучше легализовать Сергея.

Прислуга вопросы если и задаст, то я на них отвечать не обязан. А как быть с отцом Николая?

Обедали мы в столовой вдвоём. Маруська подала на стол и удалилась. Из памяти Николая я выцепил, что в доме есть ещё «экономка», как называл купец родственницу со стороны покойной жены. Кстати, да, матери у Коленьки лет десять как нет. Присматривают за парнем дед Лукашка и та самая «экономка» Павлина Конкордиевна. Интересно, где она сейчас?

Только что-то начал припоминать, как Серёга меня отвлёл:

– Виталий... м-м-м... Николай Иванович, а мне каким именем называться?

– Вариантов немного. Документов у тебя всё равно никаких нет, значит, и с именем не стоит заморачиваться. Как был Сергей Павлович Тынянов, так и останешься. Ко мне, кстати, можно по имени обращаться и на ты. Я сейчас биологически младше тебя на три года.

Серёга криво усмехнулся и продолжил наворачивать рыбу.

– Вкусная какая, – заметил он, когда покончил со своей порцией. – Жаль, пироги не осилю.

Удобство в виде прислуги мы с Серёгой оценили. Расторопная Маруська вскоре чай принесла, а грязную посуду забрала на кухню.

– Пойдём, мы тебя немного переоденем, – решил я, когда с обедом было покончено. – Подберу тебе что-нибудь из одежды Николая.

– А вы в курсе, где его комната? – усомнился Сергей.

– Когда я думаю о чём-то конкретном, то всплывают воспоминания, – поделился я своими ощущениями.

Вторая дверь из залы выходила на кухню. Сейчас ею не пользовались, поскольку ещё было тепло и печь в доме не топили. Рыбу Маруська жарила под навесом летней кухни и только потом занесла в дом. Такое странное расположение кухни в доме обуславливалось печным отоплением. Между родительской спальней и спальней Николая тоже имелась печь, но размером поменьше.

Спальней Коленьки была самая последняя комната. Уже в ней я «вспомнил», что у Коленьки две комнаты. Вторая зимой не отапливалась, да и размером была с кладовку. Из неё можно было выйти в коридор. Прислуга пользовалась этим выходом, чтобы принести тёплой воды для умывания или, наоборот, убрать ведро с помоями.

– Раньше это была спальня родителей, – просвещал я Сергея. – Но после смерти супруги Иван Григорьевич перебрался в ту комнату, что рядом с кухней.

– Чтобы была возможность Маруську уцепить за толстый зад? – пошутил Серёга, высматривая в окно эту Маруську.

– Вполне возможно, – не стал отрицать я.

Николая раньше такая мысль не посещала. Или он просто не задумывался о сексуальных потребностях родителя? Самого Коленьку волновала какая-то Машенька Уварова. Но, кажется, у купца какие-то проблемы по мужской части. Даже наследник всего один, что немного неординарно для этого времени.

Однако стоило поторопиться с подбором гардероба для Сергея, пока домой не появился родитель Николая. Критически осмотрев Серёгу, я решил, что рубашка у него вполне достойная. Добавим к ней жилет и сверху больше ничего менять не будем.

– Штаны тебе, может, чуть коротки будут, – протянул я найденную в сундуке вещь, – но в сапогах никто не заметит. – Достал я и обувь.

Предложенный предмет гардероба Серёге явно не понравился.

– Может, я свои джинсы оставлю? Они новые, цвет чёрный.

– Переодевайся, – категорично заявил я.

– А сапоги зачем? Вонючие какие, – продолжал скулить парень. – Поищи какие-нибудь туфли или ботинки. Тепло же на улице.

– Сапоги – это вынужденная мера, – просветил я. – Ты же от дома не отходил? Наверное, на крыльцо выскочил, осмотрелся и назад? По местным дорогам в кроссовках не пройдёшь, утонешь в грязи.

Сергей с сомнением посмотрел в окно, но выходило оно во внутренний двор, который не отображал всех прелестей конца XIX века.

– Между прочим, сегодня 16 сентября 1887 года, – сообщил я Серёге, наблюдая за тем, как он меняет привычные вещи на то, что я выдал.

– Ты меня обрадовать или огорчить хотел? – поинтересовался Сергей. – Не пойму, почему штаны сползают с задницы, если они застёгнуты. Это точно одежда Николая?

– Ремень от своих джинсов возьми, – посоветовал я.

– У тебя ремень поверх рубашки, – заметил Сергей, – почему штаны не падают?

– На подвязках они, – продемонстрировал я верёвочки по бокам штанов. – У меня под ними ещё кальсоны, потому штаны свободные.

Повезло, что сапоги Серёге оказались по размеру. Вернее, они ему подошли потому, что натянул их на носки, а не на портянки.

– Ну как? – топнул Сергей ногой и повернулся.

– Никак, – буркнул я и вернулся к сундуку. – Ты не понимаешь, что без сюртука или кафтана неприлично? У тебя даже головного убора нет! Для местных это конкретное палево. И не забывай креститься. Мы сегодня пообедали без отца Николая. А то бы...

– Скажем, что на меня напали лихие люди, отобрали одежду и документы, – предложил Сергей свой вариант отсутствия гардероба.

– Тебя Маруська во вполне приличном виде видела.

– Так это я убежал, в чём был, – покосился на своё отражение в оконном стекле Сергей.

– Па-ле-во... – застонал я. – У Кольки сюртук долгополый, как для купцов. А ты мордой на купца не похож. Пока тепло, можно и так, в жилете, но нужно что-то решать с одеждой, и срочно.

– Для этого деньги требуются, – мрачно напомнил Сергей. – У тебя они есть?

На эту тему я задумался и почти сразу вспомнил нужную информацию.

– О! Я, оказывается, в гимназии учусь. Нет... не учусь. Выгнали Коленьку, отец сильно ругался, – припомнилось мне. – Бл... я греческий язык знаю, закон Божий и ещё много разной фигни.

– По деньгам-то что? – напомнил Сергей и начал выкладывать содержимое своего куцевого рюкзака на кровать.

– Ничего. Я же с родителем живу. Бывший гимназист с выбором профессии не определился. Хотя какой тут выбор? Коленька в лавке с отцом должен был торговать.

– Попробуем что-то продать, – продолжил исследовать содержимое рюкзака Серёга.

– Мобильники сразу ныкаем, – подключился я к просмотру вещей XXI века. – Лазерная рулетка тоже не в тему.

– Могу продать шариковую ручку, – выудил Серёга хоть что-то полезное. – Даже две, нет, три. Блокнот с замерами, карандаш, обычная рулетка, – продолжал перечислять он. – Мелкие деньги и бумажные в кармане джинсов, платок. Всё.

– Негусто, – заметил я.

– Ещё сам рюкзак, – покрутил его Серёга.

– Не подготовился ты к путешествию во времени. Николай в моём лице тоже порадовать не может. Отец на парня осерчал, денег не даёт. Велел в лавке отрабатывать.

– А где купец сейчас? – заинтересовался долгим отсутствием хозяина Серёга.

– Что-то смутное у меня в голове крутится, – задумался я. – Парень на отца злился. За каким-то товаром не поехал.

Сидеть дальше в комнате Коленьки мы не стали, а осторожно прошлись по дому. Дружно пришли к выводу, что купец не шикует. Сундуков стояло много, один даже в коридоре, но в целом мебели, кроме как в зале, считай, и нет.

– Иконы в «красном углу», – снова напомнил я Сергею об обычаях этого времени. – Павлина Конкордиевна, сестра матери, скоро придёт. Она у кого-то из соседей на поминках была, – сообщил я то, что вспомнил по пути. – Или уже вернулась. Павлина Конкордиевна во флигеле живёт, выполняет роль экономки и старшей над прислугой.

– Слуг много? – уточнил Сергей.

– Раньше было пятеро. Сейчас даже конюха нет. Маруся по дому и на кухне, дед Лукашка в конюшне, есть помощник в лавке, Ничипор, но его отец обещал уволить, а Коленьку на его место хотел поставить торговать.

– Имена-то какие архаичные, – пробормотал Серёга. – Ничипор...

– Это местный вариант Никифора, – сообщил я. – И, кстати, вон он бежит, – кивнул я в окно.

Ничипор уже успел добраться до дверей дома и заколотил в них.

Глава 3

(Автор помнит, шо на Кубани того времени балакали на смеси украинского и русского языков, но для удобства дальше будет писать диалоги по-русски.)

– Не пушу! Куда грязищу несёшь?! – встала в дверях Маруська, грудью закрывая проход Ничипору.

Мне пришлось выйти вперёд, чтобы разобраться.

– Микола Иванович, батька ваш меня послал. Застряли мы на Екатерининской. Велено грузчиков нанимать и переносить поклажу. – И Ничипор попытался обойти грудастую деваху.

Пока у меня в голове стыковалась информация из собственной памяти и памяти Николая Ситникова, со двора в дом вошла Павлина Конкордиевна. Она сразу вникла, что случилось, и запричитала:

– Ай, паразит такой! Небось, специально правил так, чтобы пустить нас по миру!

– Не я! – взвыл Ничипор. – Мы только начали выворачивать, а там господа верхом, и тут ещё казаки. Вот и встряли, пока пропускали всех.

– Павлина Конкордиевна, извольте выдать по пять копеек для найма шести грузчиков. – Наконец и я сообразил, почему помощник прибежал домой, а не нанял рабочую силу на вокзале.

Скорее всего, всю имеющуюся наличность купец потратил, когда перегружал товар на станции.

– По пять много, – начала торговаться экономка.

– Батька сам решит, сколько платить, и лишку не даст, – сурово посмотрел я на женщину. – Я тоже пойду. И дружка своего возьму ещё в помощь.

– Одежку смените, – проявила смекалку Маруська.

Оценив внешний вид Ничипора, я согласился с Маруськой. Телега-то застряла где-то в грязи, её там по колено точно будет.

Пока Ничипор получал деньги, мы с Серёгой переоделись в старые латаные шаровары и рубахи навывпуск. Плюс надели поношенные картузы. Теперь уж точно никто не заподозрит в нас попаданцев из будущего. Рюкзак с мобильниками я унёс в подвал и спрятал между ящиками. Сундук в спальне Коленьки не запирался, а Павлина Конкордиевна – женщина явно без комплексов, может залезть куда не нужно.

В памяти Николая экономка представлялась женщиной старой и уродливой. Я же с высоты своего прежнего возраста оценивал Павлину Конкордиевну немного иначе. Ей лет сорок – сорок пять. И не такая уж и уродина. А старухой её делали тёмная одежда и платки, в которые она постоянно куталась. Вдовой она стала, когда ей было около двадцати. Был один ребёнок, но помер. Вот и осталась Павлина Конкордиевна приживалкой в чужой семье, выполняющая обязанности домоправительницы. Коленька тётку не любил и даже побаивался. Мне предстояло самому разобраться, что и как. Пока же стоило поспешить на помощь родителю Николая.

Екатеринодар второй половины XIX века впечатлял. От дома купца Ситникова мы отошли метров на сто, когда Серёга остановился оглянуться.

– Что не так? – поинтересовался я.

– Хочу убедиться, что это тот самый дом, в котором ты затеял ремонт.

– Не похож?

– Дом-то похож, зато всё остальное – просто мрак.

– Это, считай, центр города. Здесь до улицы Красной несколько кварталов. А на окраине точно будет как в станицах: мазанки, камышовые крыши, отсутствие тротуаров и удобств.

– Это ты месиво из непонятно чего под ногами называешь тротуаром? – усмехнулся Сергей.

– Вполне ничего. Грязь даже до щиколотки не доходит.

Меня и самого не покидало ощущение, что я оказался на грандиозной костюмированной вечеринке с декорациями «под старину». Серёга хоть и выглядел «туристом» на экскурсии, но уже воспринимал ситуацию нормально. Мне же приходилось ещё приспосабливаться к чужому телу и чужой памяти. Конечно, мне повезло в этом плане. Да и оказался я сыном не какого-нибудь крестьянина, а вполне обеспеченного человека.

Дом купца Ситникова на улице Медведовской (Кирова в XXI веке), наверное, был единственным кирпичным строением. Дальше по улице стояли сплошь деревянные дома, которые не имели парадных фасадов. Часть домовладений была окружена заборами, другие – покосившимися плетнями. Возле одного из таких плетней стояла древняя старуха. Она опиралась на клюку, подслеповато щурилась, но нас разглядела и даже напутственно перекрестила. Возле следующего забора мы были облаяны дворнягой. К ней присоединилась соседская шавка, и нам пришлось спастись от этих кабысдохов бегом. Отстали дворняги только на следующем перекрёстке, вернувшись охранять собственные дворы.

Постепенно дорога становилась лучше. Только возле новостроек было море грязи, но до улицы Мира, которая в этом времени называлась Екатерининская, мы дошли по приличной булыжной мостовой. И потом двигались по относительно чистым участкам. Где застрял купец с телегой, я примерно понял, но всё равно не ожидал, что так резко приличная дорога может смениться грязным месивом. Буквально метрах в двух от брусчатки, рядом с чьим-то забором, телега и застряла.

– По миру пустили, ироды окаянные! – голосил батька так, что слышно было издалека.

Зрителей набралось уже прилично, кто-то, похоже, пытался помочь вытянуть телегу. Перепачканные с ног до головы «помощники» делились впечатлениями.

– Чего купец так надрывается-то? – поинтересовался Серёга.

– Предполагаю, что кто-то из добровольных помощников успел что-то спереть с телеги, – ответил я, прикидывая, как самому не увязнуть в грязи вместе с ней.

– Микола, сынку! – обрадовался родитель, приметив меня, и начал живописать свои приключения.

Рассказа хватило до того момента, как пришёл Ничипор с грузчиками. Коня к тому времени уже выпрягли, что-то навесили ему на спину и начали распределять остальной груз. Мы с Серёгой прихватили один на двоих мешок с чем-то сыпучим и поволокли домой.

– Телегу вытаскивать не будут, – вводил я Серёгу в курс дела. – Если, конечно, дожди прекратятся и подсохнет, то попробуют, а так она до конца весны будет здесь стоять.

– Вполне верю, – согласился Сергей. – Надо же, колёс даже не видно.

– Чернозём, чтоб его! – Отёр я со лба пот и ухватился удобнее за мешок.

Нам ещё повезло, что к самой телеге не пришлось подходить. Снимать груз поручили Ничипору. Вот он почти по пояс в грязи стоял, перекидывая товар грузчикам. Папенька Николая, убедившись, что всё, кроме стащенного мешка, в целости, и прихватив какую-то коробку, припустил следом за грузчиками. Теперь купец бдительно следил за нанятыми рабочими, продолжая дёргать себя за бороду и вещать на всю округу о несчастной доле «бедного купца».

Наёмных работников отпустили, как только мешки были занесены во двор. Затем мы дружно отмывались под навесом. Маруська предусмотрительно заранее нагрела воды. Ещё и принесла для всех исподнее бельё, высказывая Ивану Григорьевичу, что он столько времени в мокрых и грязных портках сидел. Погода уже не летняя, с утра прошёл дождь, и по ощущениям на улице было градусов пятнадцать – семнадцать.

За всеми этими заботами и хлопотами личность Сергея не вызвала вопросов. Ужи-нали мы с ним снова вдвоём, потому что Иван Григорьевич занимался привезённым товаром.

Конечно, он перехватил что-то на летней кухне, но на неожиданного гостя не отвлекался и вопросов не задавал. А прислуга лишний раз попадаться на глаза раздражённому хозяину не спешила.

Спать я устроил Серёгу на сундуке. Узковата оказалась лежанка, как и моя кровать. Плюс комковатая перина, пышные подушки в засаленных наволочках и запах несвежего белья, не добавляющие комфорта. Но мы так вымотались за этот долгий день, что на такие детали не обращали внимания. Наконец появилась возможность обсудить ситуацию и подумать, как нам жить дальше.

– Серёга, что ты помнишь по девятнадцатому веку? – задал я самый важный для нас вопрос.

– Как-то всё поверхностно и без дат. Помню, что поезд с царской семьёй взорвут. Когда, не знаю. Если насчёт каких-то изобретений или научных открытий, то тоже мимо. Химию в школе я не любил. Физику тем более. Мне эти предметы для поступления на худграф не требовались.

– М-да... попаданцы из нас никакие, – заметил я. – Истории этого периода не помним, няшек из своего времени не принесли. Единственный «рояль» – доставшееся мне тело с памятью бывшего владельца. Как жить-то?

– Я рисовать умею, – напомнил Серёга.

– Я тоже на живописи после третьего курса специализировался, а толку? Меня эта живопись и в двадцатом веке не кормила. Когда перешёл на компьютерную графику, вообще забыл, как кисти в руках держать.

– Может, что из великих открытий вспомним? – не сдавался Сергей. – Или в телефонах информацию поищем, пока они не разрядились?

Мы встали и по-партизански пробрались в подвал. Там уже дружно потрошили свои телефоны, пытаясь отыскать в их памяти хоть что-то полезное.

– У меня только музыка, фото и игры, а у тебя? – поинтересовался я.

– Тоже музыка, – тяжело вздохнул Сергей. – Я немного на гитаре играю, – вспомнил он ещё один полезный навык.

– Только мелодии с наших мобильников в этом времени совсем не в тему. Нужно что-то другое искать.

– Почему я в школе плохо химию учил? – тихо бормотал Сергей на обратном пути в спальню.

Я задавался примерно тем же вопросом. Долго не мог уснуть, всё прикидывал варианты. И ведь сколько я той литературы о попаданцах прочитал! Нет бы запомнить что-то полезное для себя! Помню только известный стёб писателей по поводу промежуточного патрона и автомата Калашникова.

Если разобраться, то пользы от знаний ещё не открытых химических элементов тоже нет. Не на той я ступеньке социальной лестницы, чтобы меня восприняли серьёзно в научных кругах. Коленька даже гимназию не закончил. Хотя учиться в местных университетах и меня что-то не тянет. Там как раз студенты-революционеры активизировались.

Какое-то у нас неудачное попаданство. Нет бы на полвека раньше, когда ещё был запас времени, чтобы серьёзно повлиять на историю. Через тридцать лет случится Октябрьская революция и к власти придут большевики. Но я понимаю, что не смогу предотвратить революцию. Даже если раздобуду оружие, перестреляю всё большевистское руководство, это не изменит ситуацию в стране.

Дело ведь не в лидерах, а, как нас учили на политэкономии и научном коммунизме, в том, что «верхи уже не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому». Революционная ситуация, чёрт её подери! Не смогу, не остановлю я эту массу пролетариата, недовольного своей жизнью.

Кстати, читал я фантастику о попаданцах в советские времена, где главный герой то Ельцина убивает, то Горбачёва. Мол, нет человека – нет проблемы. Фигня полная. Не было бы Горбачёва, нашёлся бы кто-то другой, кто выплыл бы на волне народного негодования. В СССР к середине восьмидесятых годов как раз была та ситуация, когда «низы не хотели, а верхи не могли». Вот и рванула страна, как пороховая бочка.

Сейчас народovolыцы, которые уже всю пропагандируют и занимаются террором, как раз тоже думают, что, убив царя, решат все проблемы. И ведь не объяснишь этим идиотам, что не в царё дело. Если менять, то всю систему в целом. Ленин потом этим и займётся. И мы с Серёгой даже с нашим знанием будущего ничего изменить не сможем. Значит, и дёргаться не будем, а займёмся бизнесом. Сколотим состояние и ближе к Первой мировой войне уедем куда-нибудь подальше: в Новую Зеландию, Австралию или другое место, где не будет революций. На этой мысли я наконец успокоился и уснул...

– А шо це за хлопчик? – только утром поинтересовался Иван Григорьевич личностью Сергея.

К тому времени у нас была готова стройная версия о помощнике в лавке, который пока не просит жалованье, но обещает придумать, как принести больше прибыли.

– Батко, я рассказывал тебе, что Сергей Павлович писал мне письма из Санкт-Петербурга, когда я в гимназии жил.

Такого купец точно не помнил, личность Серёги вызвала у него законное подозрение. С другой стороны, в рубашке из XXI века, с блокнотом, причёсанный и умытый, Серёга производил хорошее впечатление.

– Да не работал он, поди, никогда, – поддержала сомнения купца Павлина Конкордиевна. – Ручки белые, шея чистая.

– Он человек образованный, умственного труда, – не спорил я.

Больше всего я переживал, как бы никто не спросил у Серёги документы. Купца этот момент волновал мало. У него было горе – потерял телегу. В сарае имелась ещё одна, старая, но ей требовался ремонт. Дед Лукашка был стар и слаб для таких работ. Потому Иван Григорьевич и страдал: покупать новую телегу или чинить старую? У него была надежда: как только земля немного подсохнет, попробовать запрячь двух имеющихся лошадей и вытащить телегу из грязи. В этом случае новая телега не потребуется. Принять окончательное решение купец никак не мог.

Глава 4

Как только Иван Григорьевич разобрался в личности неожиданного постояльца, то отправил нас в лавку. Сам же собрался проведать застрявшую в грязи телегу и, возможно, попытаться её вытащить. Не думаю, что это ему удастся. Будь телега изначально пустой, то это вполне можно было бы сделать. Но под весом поклажи колёса увязли так глубоко, что оставалось только ждать прекращения дождей или весны. Но к тому времени могут найтись ушлые люди, которые разберут транспортное средство по деталям раньше, чем Иван Григорьевич вытянет его. Из памяти Коленьки я выудил подобный случай, когда недалеко от их дома чья-то телега также съехала с укатанного тракта.

Для отвода дождевой воды местные жители копают неглубокие канавы вдоль дороги. Их перекрывают мостками из жердин, чтобы сворачивать с дороги к воротам. В таких канавках влага и жидкая грязь держатся круглый год. Причём грязь хорошая, добротная, чернозёмная. Сапог засосёт – фиг вытянешь. В центре города народ старается ходить только по тротуарам, а на окраинах подвязывают обувь верёвками, чтобы её можно было выдернуть из липкого месива чернозёма, навоза и пищевых отходов. В общем, я купцу Ситникову мысленно пособолезновал и повёл Серёгу в лавку.

Завтракать у купца было не принято. Мол, вначале заработайте хлеб, а после его вкушайте. Мы с Серёгой настаивать не стали и поспешили выйти из дома. По пути хотели продать три ручки из ХХI века. В лавке Ситниковых их решили не светить. Не тот ассортимент, да и не те клиенты посещали заведение купца.

Единственные приличные магазины были всё на той же Красной. Туда мы и поспешили. Даже слишком поторопились, пришлось ждать открытия и топтаться рядом, разглядывая людей, город, и вдыхать непередаваемые ароматы навоза и остатков жизнедеятельности людей. В будний день народа было немного. Но нам и этих хватало. Я с большим трудом принимал ситуацию и то, что всё здесь «настоящее». Даже проехавшие мимо казаки – не ряженные парни, как в наше время, а серьёзная военная сила.

Кстати, прибыв с визитом в Екатеринодар, Александр III устроит смотр казачьих войск. Купцы под это дело отстроят триумфальную арку. И пусть дату приезда императора я не помнил, зато видел ту самую арку на улице Екатерининской ещё в строительных лесах. Значит, визит монарха состоится позже 1887 года.

Пока мы ждали открытия выбранного магазина, я продолжил просвещать Серёгу той информацией, что извлёк из памяти тела:

– Николай пять лет учился в Кубанской военной гимназии, но был исключён в начале учебного года.

– За что исключен? – перебил Сергей. – Плохо учился?

Причину исключения я и сам не смог понять. Мне вспоминалось, что преподаватель географии наорал на Коленьку, когда тот во время урока просто пожал плечами и улыбнулся на какую-то фразу. Но за это же не исключают? Или исключают? Мутная была история с «моим» отчислением. Если же учесть, что, в основном, в гимназии учились дети казаков и зажиточных мещан, сыну купца второй гильдии получать там знания было непросто. А Иван Григорьевич мечтал, чтобы сын «в люди вышел». Без образования в России высоко не подняться.

– Потом покажу тебе, где Николай жил и учился, – пообещал я Серёге, так и не выудив из памяти Коленьки подробностей отчисления.

– Как это жил? – не понял Серёга. – Он что, не дома был?

– Здешняя гимназия – что-то вроде пансиона. Там и учатся, и живут. Порядки вообще драконовские. Коленька мечтал в театр сходить, а инспекторы не разрешали и строго следили за этим. Гулять после семи вечера было запрещено. За девушками ухаживать рано, карман-

ные деньги иметь не положено, личных вещей, помимо формы, тоже. Тумбочки в спальне по два раза в день проверяли. Почтовую переписку отслеживали. Письма могли и не отдать, если инспектор посчитает, что его содержание не подходит воспитаннику. За плохо пришитую пуговицу на мундире могли оставить без обеда.

– Серьёзное заведение, – уважительно посмотрел на меня Сергей после разъяснений.

– Учиться в гимназии дорого и престижно, – добавил я.

– Почти как у нас, – хохотнул Серёга. – Дорого, престижно, но не факт, что всем ученикам знания впрок пойдут.

Мы наконец дождались приказчика магазина. Продемонстрировали ручки. Рулетку пока решили придержать. Необычность конструкции письменной принадлежности приказчика заинтересовала. Но он почти сразу разочаровался, когда узнал, что заправлять ручки не получится. Хотя по пятьдесят копеек за ручку мы выручили.

– Мало заплатил, – возмущался Сергей. – Нужно было ещё по магазинам пройтись.

– Полтора рубля – это приличные деньги, – возразил я. – Ничипор, работая в лавке, получает три рубля в месяц.

– Так мало? – не поверил Серёга.

– Он питается у Ситниковых, в холодное время года ещё и спит в доме на том сундуке, о который мы спотыкаемся в коридоре.

– А в тёплое время года где он живёт? – поинтересовался Сергей.

– Прямо в лавке. Заодно и сторожит её. Зимой торговли почти нет, и лавку заколачивают.

Формально торговая точка Ситниковых тоже располагалась на улице Красной, но почти в конце города. Это в будущем Красная станет длиной в пять километров. Пока же в районе Скотского (Сенного) рынка, считай, город заканчивался.

– Не так уж и плохо, – оценил Сергей место. – Конечно, не центр с элитными домами, зато рынок рядом, проходимость должна быть лучше.

– Проходимость, может, и лучше, но контингент-то какой, – кивнул я на телеги с крестьянами, – одни кацапы и адыги.

Встретивший нас Ничипор, понятное дело, кадровым перестановкам не обрадовался. Иван Григорьевич и так грозился его уволить, а тут ещё какой-то Сергей появился и тоже претендует на роль продавца в небольшой лавке. Парень встретил нас хмуро, что-то буркнул и продолжил делать карандашом записи в амбарной книге.

– Что скажешь? – развел я руками, демонстрируя Сергею убожество заведения.

С точки зрения человека XXI века, торговая лавка больше напоминала крепкий сарай. Сколоченное из широких досок строение вызывало скорее недоумение, а не желание его посетить. Окон у лавки не было. Зато имелись вторые, внутренние двери со стеклом. Днём первые двери распахивались словно ворота. Они имели крепкие замки и предназначались для надёжного запираания товаров на ночь. На внутренних поверхностях створок была нарисована своеобразная реклама с перечнем товара.

– Темно-то как. Покупатели хоть видят, что берут? – стал осматриваться Серёга внутри. Ничипор стрельнул в него глазами, но промолчал.

– Муку и что-то крупногабаритное прямо с телеги продают, – просветил я. – В самой лавке то, что пользуется спросом у крестьян: гвозди, пилы, табак, соль, сахар, немного чая, но его мало покупают. У самих крестьян скупаем то, что привозят они: сырую шерсть, пеньку, смолу. С этим товаром батька едет в Ростов и дальше.

– Бумагу для письма двадцать стопок закупили, – вклинился в перечисление ассортимента Ничипор.

– Тоже ходовой товар у крестьян? – хмыкнул Серёга.

– У Лукашина тюки на барже подмокли, вот мы и купили за рубль всё, – пояснил Ничипор. – Может, кому писать или на скрутку табака сойдёт. По субботам у нас тут знатные торги.

– Торги, может, и знатные, – вздохнул Серёга, – но товар убогий. Никакого размаха коммерции. Ещё и воняет.

Ничипор обиженно надулся, снова принялся листать амбарную книгу и с разговором больше не лез. Мы же с Серёгой вышли из лавки.

– Как этот Ситников ещё стал купцом второй гильдии? – недоумевал Сергей. – Там же какие-то солидные деньги положено иметь.

– Дела у Ситникова шли неплохо. Но в позапрошлом году он на зимней переправе потерял крупную партию товара. Двух лошадей погубил, хорошие повозки и сам товар. До сих пор не оправился от той потери, но, молодец, держится на плаву. По пятьдесят рублей платил за обучение сына в гимназии.

– Нужно что-то делать, как-то поднимать доходность заведения, – продолжал рассуждать Сергей, оглядывая строение снаружи. – Например, побелить лавку изнутри, чтобы помещение зрительно светлее стало. Запретить посетителям мочиться позади лавки.

– Можем и побелить, – не стал я возражать. – Заодно порядок наведём и ревизию Ничипору устроим.

Мы вернулись в лавку.

– Что там за бумагу писчую купили? – заинтересовался Серёга и попросил ему показать.

Бумага мало того что была изначально серой и рыхлой, так ещё из-за того, что подмокла, местами заплесневела и пошла волнами.

– С табаком вместе возьмут, – оценил я её.

– Для рисунка тоже годится, если чуть под прессом подержать, – рассматривал Сергей один из листов. – Пером я мог бы что-то графичное изобразить.

– Не купят, – сразу прервал я его. – Кому твои картинки нужны? Это же не икона и не царь-батюшка.

– А что, царя купят? – встрепнулся Сергей.

На эту тему и я задумался. В памяти Коленьки аналога не имелось. Но сам я помнил, что в дореволюционной России крестьяне всякие лубки с картинками покупали, изображения царя пользовались популярностью.

– Если где-нибудь найти фотографию, то можно нарисовать портреты. Оформить в деревянную рамку, – продолжал Серёга развивать свою мысль.

У меня однозначного мнения насчёт портретов Александра III не было. Зато я подумал, что такую бумагу можно использовать для упаковки. И тут же одёрнул себя, вспомнив, что не тот контингент посещает лавку Ситникова. Но свою идею Серёге озвучил. Тот тут же в неё вцепился.

– Точно! Можно ваш табак из мешка расфасовать и продавать в коробочках.

– Это увеличит цену, мужики пойдут к другому купцу и купят на развес по привычной стоимости, – напомнил я очевидное. – А те, кто побогаче, в нашу лавку не зайдут.

– Так мы сами сдадим товар в магазин, – не соглашался Серёга. – Давай бери пачку бумаги, отсыпай табак, и возвращаемся домой.

По пути мы вспомнили, что прибыли из цивилизованного времени и привыкли каждый день пользоваться мылом. Плюс Серёге мыло требовалось для краски.

– Ещё нужно немного канифоли и льняного масла, – перечислял приятель необходимые ингредиенты.

– Льняное масло найдём дома, а канифоль нужно купить, – ответил я, хотя очень сомневался, что мы сможем сделать что-то путное из этих ингредиентов.

– Всё получится, – убеждал меня Сергей. – Я, правда, не помню точных пропорций и соотношений, но нечто похожее на типографскую краску замутим. К тому же нам не линогравюры печатать, а всего лишь примитивный текст на упаковках.

Дома мы расположились под навесом рядом с конюшней. Пока я определялся с размером упаковки и резал сапожным ножом трафарет, Сергей, словно средневековый алхимик, собирал ингредиенты. Залез в печь, которая была в доме и не топились, наскрёб сажи, затем накрошил мыло и канифоль. Я ему выдал льняное масло. Маруську это, конечно, не могло не заинтересовать, но латунную миску мы у неё выцганили с трудом.

Павлина Конкордиевна близко не подходила, хотя наблюдала, явно намереваясь потом всё доложить Ивану Григорьевичу.

Текст для упаковки был примитивным: «ТАБАКЪ» (крупными буквами) и ниже «Лучшее качество в России!» (помельче). Не поручусь, что буквы получились идеальные, да и резал я их на шероховатой поверхности. Сергей тем временем уже поджёл в миске льняное масло, ввёл в него канифоль, сажу и наструганное мыло. Пока не остыло, он начал быстро всё вымешивать деревянной лопаткой, тоже позаимствованной у Маруськи. Из пакли и какой-то тряпицы мы собрали подобие тампона и приступили к пробам.

Первый оттиск получился немного расплывчатым по углам. Но зрителей, кто упорно делал вид, что им безразлично, процесс всё же заинтересовал. Впрочем, дед Лукашка, что-то прошамкав беззубым ртом, сразу удалился, Павлина Конкордиевна почти сразу отвлеклась на другие дела, и лишь Маруська долго стояла с восторженным выражением лица.

Я продолжал штамповать текст на будущих упаковках и не сразу понял, что произошло. Небольшой курятник шёл пристроен к конюшне почти впритык к забору, отделяющему двор купца от соседей, и соседский пёс периодически устраивал подкоп и забирался, чтобы своровать курицу. И сейчас Павлине Конкордиевне повезло застать собаку на месте преступления.

– Фроська, твоя блохастая дрянь снова в нашем курятнике! – заголосила тётка так, что её могли слышать на другой стороне улицы.

Упомянутая Фроська долго ждать себя не заставила. И уже через пару минут разгорелся жаркий спор.

– Кацапка, кацапка! – орала на нашу Павлину Конкордиевну соседка, попутно пытаясь достать её плевком.

Для удобства женщина даже забралась на какую-то приступку, возвышаясь над забором.

– Сама кацапка! Мы из мещан! – вопила в ответ оскорблённая экономка. – Дулю тебе, дулю!

Это представление не могло не привлечь наше с Серёгой внимание. На всякий случай мы подошли ближе. Вдруг, кроме оскорблений, дамы перейдут к боевым действиям, стоит поддержать «своих».

– Мадам, в данном случае вы не правы, – минут через десять вклинился Сергей в паузу между криками.

– Га? – не поняла соседка и оглянулась по сторонам, похоже, ища ту, кого молодой симпатичный парень назвал «мадам».

– Ваше животное не только проникло на территорию частного владения, но и посягнуло на собственность купца Ситникова. Любой судья расценит это как халатную небрежность с вашей стороны.

– Га? – ещё раз растерянно переспросила соседка и начала сползать с приступки, покидая «поле боя».

– Так ей, так! – выкрикнула вслед Павлина Конкордиевна, но уже без особого азарта.

Мы же с Серёгой вернулись к тому, чем занимались до этого. Краска в рыхлую бумагу уже впиталась и не размазывалась. Осторожно я сложил упаковку по заранее намеченным линиям и засыпал табак. Потом ещё пришлось варить клейстер, запаивать коробочку окончательно. Внешний вид вышел вполне достойный. Получилось всего двадцать пробных упаковок табака. Не то чтобы мы изобрели велосипед или раньше никто не додумался до этого, нет, конечно!

Просто мы взяли имеющиеся товары и, согласно учению Карла Маркса, в лучших традициях капиталистического строя собирались получить за него дополнительную прибыль.

– Давай часть тебе в рюкзак сложим, а часть я в холстину заверну, – предложил я Сергею.

Сразу сбыть товар у нас не получилось. Пришлось искать, где купят табак оптом. Только в третьей по счёту бакалейной лавке приказчик начал торговаться. Прибыли за минусом расходных материалов получилось всего по две копейки за пачку, но сам факт порадовал. Может, и в нашей лавке начнут брать упаковки табака. Теперь было чем отчитаться перед Иваном Григорьевичем.

К нашему возвращению он уже сидел во дворе, охая и причитая по поводу того, что телегу достать из грязи пока не получится, а другой нет, и товар возить не на чем. Сергей пообещал, что мы посмотрим на ту сломанную телегу, что стоит в каретной. Возможно, своими силами починим. Пока же предоставил отчёт о продаже фасованного табака.

– Баловство, – отмахнулся Ситников, не оценив наш труд.

Тут Павлина Конкордиевна позвала в дом, Маруська уже подала ужин. За всеми хлопотами днём мы так и не поели. Перекусили на бегу пирожками, потому приглашение на ужин восприняли с энтузиазмом.

– Ешьте, Сергей Павлович, ешьте, – подливала ему борща экономка, пересказывая при этом Ивану Григорьевичу сцену с соседкой.

Мы с Серёгой слушали эту интерпретацию событий с отвисшей челюстью. Выходило немного не так, как всё было на самом деле.

– А Сергей Павлович Фроське и говорит: «В ссылку тебя, в Сибирь, к каторжникам отправлю за порчу имущества, у меня все судьи знакомые, бумагу напишу, шоб впредь неповадно было».

Купец хлебал борщ, утирал бороду, усы и одобрительно мычал. К концу ужина уважения во взгляде Ивана Григорьевича прибавилось.

Кажется, жизнь налаживается, и всё не так плохо, как мне показалось в первые часы нашего попадания в это время.

Глава 5

По поводу табака и его упаковки Иван Григорьевич имел с нами беседу на следующий день. Просветил, что фасованный фабричный табак должен иметь акцизу. Наши поделки, мягко говоря, незаконны. Табачный бизнес – серьёзное дело, и занимаются им серьёзные люди. Тот табак, которым торгуют в лавке по тридцать копеек за фунт, привозят казаки из станиц. Он неправильно обработан, высушен кустарным способом, потому имеет плохое качество и низкую цену. Покупают его самые малообеспеченные слои горожан.

В городе есть своя табачная фабрика, выпускающая сигареты, которые продаются с акцизной маркой. Ну точно, как в наше время! Ничего не меняется в сфере бизнеса. И «серьёзные люди» и накомыливать могут тем, кто сунется в эту монополию. В общем, купец рекомендовал в табачный бизнес не лезть, а заняться чем-то полезным.

Идею с побелкой лавки Иван Григорьевич одобрил. Маруська выдала нам полведра гашёной извести и метёлку. Вот с этим добром мы и заявили в лавку.

Побелили изнутри, навели порядок, вымели весь мусор. Затем отмыли полы, пересчитали товар, сравнили его с записями Ничипора. Недостачу по соли и гвоздям он велел искать в подвале дома. Мол, не всё перечисленное хранится в лавке. Впрочем, нас это пока мало волновало. Торговля в этот день велась вяло, и мы после уборки уселись перед лавкой, обсуждая, что ещё можно замутировать в плане бизнеса в XIX веке.

– Попкорн продавать возле театра, – выдвинул Серёга очередную идею. – С кукурузой здесь проблем нет.

– Сколько мы на этом заработаем? – скривился я. – Даже если изыщем у Маруськи нужную посуду, выход продукта грошовый. У американцев специальный аппарат был. И торговали попкорном в кинотеатрах.

– Тогда нужно клад искать, – хмыкнул Сергей. – Что ты о кладах помнишь?

– То, что на Кубани до фига ещё неразграбленных курганов, но большинство из них на территории адыгейских сёл. Там нам копать никто не позволит. Да и лопатой мы много не нароем. Золота найдём мало, в основном, предметы быта и прочую археологическую ценность. Сейчас можно на рынке из-под полы купить «кладовую записку», в которой будет подробно описано, где и какой зарыт клад. Если не нашёл клада по указанной записке, сам виноват, потому что не так понял указания.

Обсудив ещё несколько не самых удачных идей, мы дружно пришли к выводу: что-то изобрести в этом времени мы не можем. Не помним ничего.

– Эх, ноутбук бы сюда с Гуглом, – вздыхал Серёга.

– С ноутбуком любой дурак справится, – заметил я.

– Тогда у нас остаются только тексты песен, которые можно продать в виде стихов, – резюмировал Сергей.

Насчёт текстов песен стоило поспешить с извлечением их из телефонов, которые уже почти разрядились. Точно это сказать мы не могли, так как подвал был теперь закрыт на замок. В момент попадания нам невероятно повезло, что Николай как раз спустился в подвал и люк был открыт. Мне даже припомнилось, что Коленька хотел поискать «кубышку» отца. Сейчас ключи были у экономки. Но я уже оценил крепления и пришёл к выводу, что проушины можно отогнуть вместе с гвоздями. Надо будет ночью спуститься в подвал.

Мы с Серёгой помогли Ничипору закрыть лавку и отправились домой.

Вечером Сергей попросил у Маруськи тёплой воды и устроил постирушки. На это зрелище вышли посмотреть все обитатели дома купца, включая его самого.

– И что такого? – возмущался Серёга. – Носки я уже третий день не менял, трусы тоже. Хорошо, рубашка была на замену.

Выданные мной шаровары Серёга тоже постирал, переодевшись в свои джинсы.

– Справная вещь, – цокал языком Иван Григорьевич, разглядывая штаны. – Англицкие или ханцузы шили?

– Английские, – ответил Сергей и отправился развешивать стираное белье.

– Чего они так взбаламутились? – задал он мне вопрос чуть позже. – Никогда не видели, чтобы парень стирал?

Я, покопавшись в памяти, с удивлением узнал, что стирку здесь устраивают раз в месяц. Чаше смысла не видели. Помогает Маруське одна вдова, Катерина, живущая неподалёку. Свой колодец у Ситниковых был, правда, вода имела странный привкус. Так что таскать издалека её не требовалось. После стирки воду выносили со двора и сливали в канаву.

Теперь я ещё думал, как обрадовать Сергея новостью, что клопов в доме заливают кипятком два раза в год – перед Рождеством и перед Пасхой. И предыдущей ночью, когда он крутился в кровати и жаловался на комаров, кусали его не они, а обычные клопы. Насчёт вшей я тоже не был уверен, что их нет. Могли быть, хотя Маруська бельё и вываривала в большом чугуне. Тоже, думаю, не стоит сразу вываливать на неподготовленного парня информацию, что вываривают вещи, чтобы не только проще их отстирывать, но и от вшей избавляться.

Пока тепло, мы использовали заросли лопуха, растущего вдоль забора, вместо туалетной бумаги. Потом, когда лопухов не станет, такими «пустыками» никто не будет заморачиваться. Нижние портки у мужиков будут в характерных пятнах. И всё это будет перед стиркой вариться в одном чане с полотенцами и нижними юбками женщин. Так что ношенные всего три дня носки здесь никто грязными не посчитал бы. От Ивана Гавриловича вообще постоянно пахнет мочой. Подозреваю, у него с почками проблемы. По малой нужде часто бегают. Маруська ему заваривает спорыш, но это не помогает. А других медикаментов просто нет. Различных инфекций сейчас так много, что за гигиеной нужно следить особо тщательно, но как об этом расскажешь семье купца? Серёга ещё может себе позволить мыть руки перед едой. А на меня уже косо смотрят.

Маруська вечером, как прибралась по хозяйству, вышла за ворота посидеть на скамейке с соседкой, семечки полугзгать, заодно обсудить нового постояльца у купца Ситникова. Я не удержался и решил подслушать. Высунулся в окно и внимал разговору. Бабский трёп был, в основном, насчёт того, что на всю эту господскую блажь много денег расходуется. Мол, я тоже уже перенял манеры у Сергея Павловича и столько мыла извёл, что просто жуть! Во всяком случае, подозрений ни моя личность, ни Сергея не вызывали. Вот и хорошо.

Пока я шпионил за Маруськой, Серёга посетил «удобства во дворе», затем заглянул в конюшню.

– Николай, а лошади у купца здоровые? – задал он мне странный вопрос, когда вернулся.

– Вполне, – не понял я, что его смутило.

– Мне показалось, у коней вздутие животов. Выглядят толстыми.

– Всё верно, – согласился я. – Это престижно иметь хорошо откормленную лошадь. Считается, что она сильнее, да и достаток хозяина демонстрирует.

– А для чего дед гриву им квасом мазал и заплетал? – продолжил Серёга расспросы.

– Тоже мода, – заверил я. – Завтра поутру расплетёт, расчесет, будет как у женщин после бигуди – волнистая и красивая грива.

– Дурдом, – пробормотал Серёга и двинулся в спальню. – Мне сапоги нужно купить, – поморщился он, стягивая те, что носил эти дни. – В носках ещё ничего, а с портянками твои жмут.

– Сапоги рублей пять стоят, – заметил я. – Рулетку придётся продавать.

– Продадим, – зевнул Сергей, устраиваясь на кровати. – Ты придумал ещё что-нибудь о бизнесе?

– Ничего определённого. Знаю, что аспирин ещё не изобрели, но насчёт технологии не в курсе. Хотя ивы, из которой получают сырьё, по берегам Кубани много растёт.

– А я посмотрел, как Маруська семечки жарит, вспомнил рецепт халвы.

– Не самый ходовой товар, да и большие объёмы мы не потянем, – раскритиковал я идею.

– Тогда завтра отнесём в редакцию газеты «Кубанские областные ведомости» стихи. Я «Что такое осень» Шевчука написал на листок. Тебе нужно переписать со всеми ятями.

– Думаешь, много заплатят? – усомнился я.

– Ну с чего-то же нужно начинать? – резонно заметил Сергей. – Подвал бы ещё вскрыть...

Но ни в подвал ночью, ни в редакцию газеты мы не попали. Для выдёргивания проушин нужен был инструмент, и я его не смог раздобыть. А на следующий день мы первым делом отправились продавать рулетку. Долго торговались, чтобы получить достойную цену. Купца, которому мы продемонстрировали это «чудо инженерной мысли», смущало наличие дюймов – английской меры длины. Хотя сантиметры, которые шли параллельно дюймам, вполне устраивали.

После долгих споров и демонстраций того, как рулетка сама сворачивается, продали её за три рубля семьдесят копеек. Тому же купцу реализовали рюкзак. За него получили восемь рублей. И уже с этими деньгами отправились покупать Сергею сапоги. Шить на заказ он не хотел. Пришлось искать готовую продукцию. Приобрёл Серёга сапоги всего за четыре с половиной рубля.

Домой вернулись к обеду, быстро перекусили и занялись старой телегой. Оказалось, не то чтобы в ней сломалось что-то конкретное. Просто она была слишком старой. Колеса когда-то менялись, а всё остальное явно помнило ещё Коленькиного деда.

– Вот эти доски можно заменить, – резюмировал Сергей, – и телега для перевозки грузов ещё сгодится.

– Стойки, что выполняют роль амортизатора, тоже придётся менять, – заметил я. – Но ты прав, для груза вполне сойдёт. А для пассажиров у нас бричка имеется.

Иван Григорьевич тоже был не дурак. Хоть и причитал много, но свойственную купцам расторопность проявил. Он, оказывается, нужную древесину уже заказал. И все стенания были только по поводу того, что за работу придётся платить. А так мы с Сергеем за два дня всё, что смогли, сделали бесплатно.

Купец торопил нас, поскольку ему требовался транспорт для поездки по станицам. Дела у купца Ситникова шли не очень хорошо, даже помощника лишнего не было. Поэтому мы без возражений согласились на поездку. Серёга сразу предупредил, что с лошадьми никогда дела не имел, и Ничипора взяли управлять телегой, а Иван Григорьевич самолично правил бричкой.

Поездка получилась познавательной. О неудобствах, комарье ночью и мухах днём я рассказывать не буду, и так понятно, что даже небольшое путешествие в конце XIX века то ещё удовольствие. Нам пришлось проехать далеко от города, чтобы найти станицы, где ещё народ не распродал семечки подсолнечника. Именно за ними мы и поехали.

Потом предполагалось, что свезём семечки на маслобойню, где отождут масло, и уже конечным продуктом – подсолнечным маслом – будем торговать в лавке. Раньше сам купец не ездил. Но теперь нужда заставляла искать товар подешевле. Да и после не повезёт он семечки в Ейск или Лабинск на завод. Отождёт где-нибудь поблизости полукустарным методом.

Участия в торгах я не принимал. Иван Григорьевич и сам неплохо справлялся. Мы с Серёгой снова, как два заблудившихся туриста, разглядывали «жизнь аборигенов в естественной среде обитания».

– И это ещё считается зажиточным регионом, – озвучил мои мысли Серёга. – Нищета сплошняком.

– Не скажи, – не согласился я. – Овцы, козы, корова в каждом дворе. И выращивают они много чего.

Пока купец грузился, мы прошли вдоль улицы. Вышли к полям. Подсолнечник закончили убирать, а длинные стебли ещё лежали, наваленные на краю поля. У меня в голове возникла какая-то ассоциация с этими стеблями. Кажется, их пережигают на золу, а из неё получают что-то полезное. Поделился мыслями с Сергеем.

– Поташ! Первосортный поташ добывают из этой золы! – радостно просветил меня Серёга. – У нас в группе Андрюха Кузьмин учился. Он из Лабинска. Как-то хвастался, что в начале двадцатого века там стоял крупный для того времени завод по производству поташа из золы подсолнечника.

– А поташ – это и мыло, и стекольное производство, – припомнил я.

– Нужно договариваться со станичниками насчёт этого добра, – сориентировался Сергей. Делать поташ в станицах умели. Но, как правило, в небольших объёмах. Мы же обещали заплатить за крупную партию. На переговоры с атаманом потратили часа два. Казак требовал аванс и на наши доводы не вёлся. Пусть получить золу дело нехитрое. Да и потом извлечь щёлок несложно. А вот для его выпаривания уже требуются дрова. Пришлось оставлять задаток – пять копеек. Конечно, сам атаман такой ерундой не собирался заниматься. Но селянам давал разрешение именно он.

Ночевали мы в этой станице на сеновале у одного из казаков, а на рассвете тронулись в путь. За три дня посетили ещё две станицы. Телега была полностью заполнена мешками с семечками. В последней станице ждать выпаривания поташа мы не стали, а забрали жидкий щёлок с собой в бочонке.

Возвращались домой тем же маршрутом, собирая в станицах наш заказ. В общей сложности у нас получилось купить шесть с половиной фунтов поташа. Потратили тринадцать копеек. Иван Григорьевич молча косился, но не вмешивался в этот бизнес, что организовал Сергей.

Мы же с Серёгой обсуждали, как нам дальше двигаться в этом направлении. Выходить на рынок с готовой продукцией рискованно. Это мы уже поняли по табаку. Рынок давно поделён на сферы влияния. Зато сырьё всегда покупают охотно, и не только в России. А поташ – это популярное сырьё.

– Ситников говорил, что большой завод по отжиму масла есть в Лабинске, – делился со мной Серёга. – Предполагаю, они уже сориентировали все станицы в округе на выращивание подсолнечника. Сейчас всю ботву выбрасывают. И если в будущем именно в Лабинске будет находиться поташное предприятие, то нам просто необходимо опередить того, кто до этого додумался.

– Сто восемьдесят километров от Екатеринодара, – припомнил я расстояние.

– Ну и что?! – отреагировал Сергей. – Нам не нужно там жить постоянно. Сезон сбора подсолнечника короткий. По-хорошему, нужно найти доверенного человека на месте. А самим заниматься только сбытом.

– Уговорил, – кивнул я. – Только договариваться и, возможно, выкупать участок земли под «производство» нужно заранее и в этом году...

Уже в городе мы стали решать, кому продать поташ. Пока выходов на купцов у нас не было, поэтому сдали его в аптеку (кстати, интересное заведение) и получили на руки сорок копеек. Так себе бизнес. Но если говорить о десятках пудов поташа, то цена становится уже интересной.

Из того бочонка с сырьём, что мы привезли с собой, поташ добывали сами на летней кухне, потеснив Маруську. Ведёрный бочонок обошёлся нам в пять копеек, ещё две копейки отдали за щёлок и теперь хотели рассчитать стоимость конечного продукта. С выпариванием провозились полдня, постепенно подливая из бочонка щёлок к тому, что выпаривался. За ночь вся эта масса отстоялась, и на дне чугунок можно было увидеть крупные кристаллы желтовато-бурого цвета. Их доводили до ума уже в печи, прокаливая в закрытой посуде. На выходе у нас был белый порошок. Тот самый поташ.

- Из десяти литров сто сорок – сто пятьдесят грамм, – оценил я наш труд.
- Две – три копейки, – вздохнул Сергей.
- Курочка по зёрнышку клюёт, – подбодрил я его. – Мы ещё халву ресторану продадим, стихи в газету принесём и портреты императора начнём рисовать.

Глава 6

Ещё неделю мы занимались намеченными планами.

В одной из газет, хранившихся почему-то на буфете, нашли вполне узнаваемый портрет царя Александра III. Имеющиеся газеты мы прочитали все от корки до корки, а затем занялись портретом. Серёга срисовал перьевой ручкой довольно похожее изображение. Размер был небольшой, где-то с ладонь. Из той же дрянной бумаги вырезали паспарту, вставили рисунок, добавили рисованных вензельчков по краям и по две копейки начали успешно продавать у себя в лавке. Субботние торги оправдывали себя. Пятнадцать портретов ушли влёт. Я даже не ожидал такого спроса. Цена, конечно, была символичная, но для станичников и это деньги.

Черкесы и адыги подобным товаром не интересовались. Они в основном покупали соль и сахар. Табак, который мы всё равно весь имеющийся у купца расфасовали в наши самодельные пачки, разобрали горожане. Кому-то на сторону его предлагать не стали. А у себя в лавке выставили. Серёга на табаке и поймал Ничипора.

– Было восемь рядов по восемь пачек. Это шестьдесят четыре. При нас купили пятьдесят шесть. А у тебя по деньгам пятьдесят, – поставил он Ничипора перед фактом недостачи.

То, что парень подворовывает, мы уже догадывались, но не так же нагло? Ничипор пользовался тем, что Иван Григорьевич слёг, вот и шустрил в лавке. Купца серьёзно беспокоили почки. Но врача приглашать он категорически не хотел.

– Отлежусь, в баньке попарюсь, – отказывался Иван Григорьевич от услуг профессионального медика. – Микола, ты лучше за лавкой следи.

Мы с Сергеем и следили. Масло из семечек подсолнечника уже отжали и тоже начали им торговать.

Один мешок с семечками Серёга выкупил для своих нужд. Два дня потратил, чтобы очистить их от кожуры. Вначале обварил кипятком и изобрёл целое приспособление из двух вилок и палки, которое изображало блендер. После снова залил семечки водой. Ядра остались на дне, а кожура всплыла. Ядра семечек Серёга небольшими порциями истолок в ступке. Необходимые ингредиенты для приготовления халвы – сахар и белок куриных яиц – дома имелись. Взбивать этот белок, конечно, пришлось долго и всё теми же вилками. Но уже первая порция халвы, весом примерно с килограмм, показала, что получается вкусно и необычно.

Тут как раз какой-то праздник подошёл, и мы решили предложить необычные сладости в центральные магазины. Правда, немного пришлось потратиться на упаковку халвы. Картонки я покупал в книжном магазине. Ещё взял несколько листов специальной вощёной бумаги. Трафарет резал тоже из картона, и не один, а три, накладывая друг на друга. В общем, с упаковкой мы провозились раз в десять дольше, чем с самой халвой.

«Реклама – двигатель торговли», – напоминал я сам себе и не роптал.

Наши «Сласти из гарема» должны были иметь достойный вид. Картинка на коробке, изображавшая гаремную невольницу, поедающую якобы халву, получилась на грани приличий. Но пышнотелость и фигуристость «восточной красавицы» оценил даже дед Лукашка.

В каждой коробке халвы было примерно четыреста пятьдесят граммов. Местным мерить в фунтах было проще, вот мы и подстраивались под этот вес.

Десять коробок отнесли в ресторан, вместе с небольшим кулечком скола, мелких кусочков халвы. Это чтобы покупателю давали попробовать продукт. Халву, безусловно, здесь знали, но тут всех подкупала коробка и оформление. В ресторан мы сдали по пятьдесят копеек и сильно пожалели, когда в бакалейном магазине приказчик заплатил за коробку рубль. Кто бы мог подумать, что на халве мы заработаем шестнадцать рублей чистой прибыли?

Иван Григорьевич отнёсся к этому бизнесу скептически. Не факт, что в следующий раз у нас купят. Да, коробочка красивая, но без неё дешевле. Нам просто повезло, что попали

на праздник. Не стоит ориентироваться на армянского купца Мирзояна, который продавал коробки шоколадных конфет по три рубля. У нас был не тот уровень.

Весь октябрь мы с Серёгой так и крутились. То стишки отнесём в газету, где за них уже стали платить по двадцать копеек, то портретики царя нарисуем, попутно продавая то, что имелось в лавке, или, наоборот, скупая у тех же адыгов шерсть и кожу. А Серёге требовался местный гардероб и что-то на зиму. С большим трудом нам удалось сбыть за шесть рублей его кроссовки. Очень долго никто не хотел покупать пусть и хорошую, но странную обувь. За вырученные деньги собирались обеспечить его одеждой.

Первый же наш визит к портному потрепал нервы всем. И самому мастеру, и нам с Сергеем.

– Как такое вообще можно носить?! – возмущался выходец из XXI века. – Где ширинка? Что это за клапан? Уссаться можно, пока все пуговицы расстегнёшь.

– Шо вы такое говорите, господин? – обижался портной. – Очень хорошо на вас сели. Со спины хлястиком отрегулируем, а длину даже укорачивать не придётся.

Серёга на уговоры портного не повёлся и брать готовые брюки не стал. На следующий день мы принесли на показ джинсы.

– Можете повторить подобный крой? – поинтересовался Сергей.

Мастер на некоторое время выпал из реальности. Он ощупывал, выворачивал наизнанку, чуть ли не на зуб пробовал каждый шов. Наличие молнии повергло портного в настоящий шок.

– Здесь как раз я согласен заменить пуговицами, – заметил Сергей. – Но всё остальное хотелось бы похуже.

– Такой крой... это же новые лекала... – начал набивать цену мастер.

Не на тех напал. Серёга стал убеждать портного, что за возможность посмотреть такое изделие он нам сам должен доплачивать. Конечно, подобной строчки и обмётки швов никто не просит и даже клёпки на карманах не нужны. Впрочем, как и сами карманы. Но общий принцип брюк должен быть соблюден.

Полдня мы просидели в заведении господина Петрова. Лекала были сняты, мерки проверены на изделии и на Серёге. Пришлось дожидаться, пока мастер раскроит ткань и сметает штаны на живую нитку.

– Сойдёт. – Серёга остался доволен результатом. – Я вам ещё свою рубашку принесу показать.

Полный комплект с рубашкой, жилетом и сюртуком обошёлся в семь рублей. Это мы ещё пальто не стали заказывать. Я пообещал Серёге выдать на зиму что-нибудь из гардероба Ивана Григорьевича. Сам купец с постели уже не поднимался. И доктора ему мы всё же пригласили.

– Три рубля взял! – возмущалась потом Павлина Конкордиевна.

Я тоже был возмущён. Как такового лечения эскулап не назначил. Выписал рецепт на опиум, и всё. Даже названия болезни я не понял.

– Tumores maturare atque aregere, – с умным видом произнёс доктор и велел готовиться к похоронам.

Ситников сразу потребовал батюшку. Напомнил мне, что завещание давно и по всей форме составлено. Правда, теперь каждый вечер приходилось сидеть у постели больного и слушать наставления о том, с кем торговать, кого опасаться, что и когда лучше покупать. Я всё записывал. Действительно, опыт у купца богатый. Не стоило терять такие наработки.

– Если Саркисян начнёт предлагать купить лавку, гони его в шею, – рекомендовал Иван Григорьевич. – И это... ещё Ваську, сына Катерины, я обещал взять в помощники. Посмотри по весне, может, пристроишь хлопчика. Ничипору не особо доверяй.

Порошок опиума облегчил Ивану Григорьевичу боли. Теперь он не кричал по ночам и даже выглядел немного лучше. Много спал, но когда не спал, требовал, чтобы с ним кто-то сидел. Поскольку слуг было не так много и все при делах, роль сиделки доставалась или

мне, или Павлине Конкордиевне. Она, не в пример мне, к своим обязанностям относилась с душой. Мало того, ещё начала приводить в дом паломников, чтобы эти «святые люди» облегчали душевные страдания больного и развлекали разговорами. Правда, истории, рассказываемые этими паломниками, были далеки от религии.

– Как села на иголку, а та иголочка по телу, по крови поплыла и прямо в сердце! – рассказывала очередная паломница «страшную сказку».

Народ, собравшийся послушать, только ахал.

– Драйва им не хватает, что ли? – задавался Серёга вопросом. – Что там психологи говорят по поводу таких любителей страшилок?

– Много чего говорят, но это в нашем веке, а не в девятнадцатом, – напомнил я. – Скучно им, вот и развлекаются, как могут.

Серёга после таких визитов долго приходил в себя. О запахе, исходящем от этих паломников, и говорить не хочу. Месяцами, а то и годами эти люди не мылись и таскали на себе буквально рассадник болезней и насекомых.

– У него по лбу вша ползла, а он её, как ни в чём не бывало, нам на пол смахнул! – делился Сергей очередным наблюдением. – Нельзя ли как-то уменьшить число этих гостей? Я боюсь уже в дом заходить.

С этим я был согласен. Тут один поход в баню – уже серьёзное развлечение. Нет, конечно, можно нагреть воды и на кухне поплескаться. Но так ещё больше экстрима.

Нам-то с ним скучать некогда. О походах в воскресенье в церковь я вообще молчу. А у нас ещё лавка и сумасшедшие торги по субботам...

Чем становилось холоднее, тем больше паломников стало появляться в городе.

– И чего их так много в последнее время ходит? – удивлялся Серёга.

– На Кубани теплее, чем в средней полосе России. Вот они к зиме и устремились поужинать.

Я уже устал бороться с грязью и просто ждал, когда Иван Григорьевич отойдёт в мир иной и можно будет прекратить эти посещения.

Душещипательные же рассказы гостей были почти под копирку. О голодных регионах России, где едят человечину, о холере, тифе и неуспокоенных мертвецах.

Очередную историю о неуспокоенном мертвеце я остановился послушать только потому, что паломница рассказывала явно не сказку, а о своей жизни. В двух словах: эта женщина раньше была зажиточной мещанкой в Костроме. Потом случился пожар, да такой сильный, что сгорело пять домов. Зацепило меня в рассказе женщины то, что она убивалась по погибшему сыну.

– А батюшка говорит, что отпевать не положено, поскольку пристав бумагу не написал, – вытирала слёзы паломница. – Восемь годочков, как не стало моего Сероженьки, а батюшка не стал его отпевать. По мужу заупокойную справили, потому что нашли левую ногу в сапоге. А Сероженьку так и не отыскали.

В голове у меня ещё только складывался план, а женщина уже взялась вынимать из котомки какие-то бумаги.

– Метрика о крещении Сероженьки и документ от пристава, что пропал сынок без вести, – продемонстрировала паломница доказательства своей истории.

Ещё не веря в удачу, я подошёл, чтобы посмотреть бумаги. «Сергей Павлович Иванов 1865 года рождения 8 июля», – прочитал я. Такой шанс был один на миллион!

– А муж ваш из Сызрани? – задал я женщине вопрос.

– Нет, костромские мы, – повернулась она ко мне. – Родились и женились там.

– Надо же! – продолжал я валять дурака. – Один знакомый рассказывал о Павле Петровиче Иванове, но, наверное, не о вашем муже. Какого года рождения был ваш супруг? Точно не из Сызрани родом?

Через пять минут я уже знал всю родословную вдовы, и её день рождения, и покойного супруга. Потом я самолично насыпал ей в квас немного опиума и настоял, чтобы она осталась ночевать в доме.

Вернувшийся из лавки Серёга не сразу понял, почему я проявил такой повышенный интерес к обычной паломнице.

– Серый, это шикарный белый рояль, лакированный, с позолотой и точёными ножками.

– Чего? – оторопел Сергей.

– Рояль, как и положено для попаданцев, – пояснил я. – Документы! Твоя легализация! Как тебе нравится – Сергей Павлович Иванов? И даже бумаги имеются. Да что там бумаги, полная родословная родителей как на блюдечке подана! Даже описание примет совпадает.

– Я же не Иванов, – затупил Серёга.

– А кто у нас в доме знает твою фамилию? – напомнил я. – К тому же Ивановы настолько распространены, что совпадение никого не удивит. Я тут записал все данные с датами рождения «твоей» ближайшей родни.

– Хорошо, допустим, я из Костромы, а что делаю в Екатеринодаре?

– Пришёл искать мать. По слухам, она сошла с ума и подалась в паломницы. Ты её не нашёл и остался в городе.

– А то, что я почти два месяца живу у Ситниковых, ничего не значит?

– Кто там по прошествии времени вспомнит, когда приходила паломница, да и запомнит ли её кто?

С этими доводами Серёга согласился. Легализация его в этом времени была самой большой проблемой. Мы даже деньги откладывали на взятку. А тут и документы, и готовая легенда. Как таковых паспортов у жителей России в это время не было. Их имели только те, кто выезжал за границу. Для всех остальных выписывались по мере надобности другие бумаги. К примеру, у Ивана Григорьевича Ситникова было «Свидетельство о принадлежности к купеческому сословию». С такой бумагой путешествовать по России нельзя. Для переездов требовалось брать в канцелярии особый «Билетъ для жительства в разных губерниях». Срок его действия был ограничен. Как писалось в «Билете», если особа, кому выдан «Билетъ», «въ теченіи льготнаго мѣсяца после сего срока не явится, то съ нея поступлено будетъ какъ с бродягою». Только паломникам разрешалось перемещаться по стране без «Билета».

Серёга у нас по всем признакам уже был бродягой. На учёт в Екатеринодаре он не встал и бумаг никаких не имел. А тут хотя бы метрика и реально существующая «мать».

– Всё равно нельзя так, – не соглашался Сергей. – Сунется паломница завтра в мешок и обнаружит пропажу. На нас полицию наведёт.

– Придумаем, как сделать лучше.

Ближе к полуночи мы выбрались из спальни и совершили грех, украв у несчастной вдовы документ на сына.

– Как он не сгорел при пожаре? – недоумевал Серёга, разглядывая нашу добычу.

– Какое-то прошение оформляли, я не понял на что. Главное, есть бумага, что мёртвым Сергея Павловича Иванова так и не признали.

Ночь у нас получилась насыщенной. Мы расположились во второй комнате, которая примыкала к спальне, забаррикадировали двери и при свете свечи почти до пяти утра рисовали подделку, копируя обычным пером типографский шрифт и подделывая почерк. Та ещё работёнка. Потом наш труд мы слегка помяли, потрепали на сгибах, сбрызнули водой и залили своё «произведение искусства» маслом. Эту копию я сунул обратно в вещи паломницы.

Утром, провожая женщину, дал ей пятьдесят копеек, пироги и плохо закрытую бутылку с маслом. Паломница подношениям обрадовалась и проверять закупорку масла не стала. Очень надеюсь, наша уловка сработает. Когда погорелица начнёт проверять котомку, то обнаружит

часть вещей подпорченными (я их компенсировал деньгами!), а залитые и испорченные поддельные бумаги она не должна отличить...

Приблизительно через неделю после того, как мы проводили вдову Павла Петровича Иванова, Серёгину «мать», купцу Ситникову стало совсем плохо. Лицо приобрело желтоватый оттенок. Паломников больше не звали, а снова пригласили батюшку. Теперь уже точно, чтобы выслушать последнюю исповедь.

Одиннадцатого ноября Иван Григорьевич умер.

Глава 7

В течение последующих двух дней в доме крутилось столько посторонних людей, что я очумел. К запаху мочи, давно и стойко витавшему в помещениях, добавился аромат свечей, ладана, пирогов и самогона. Маруська с соседкой Катериной зашивались на кухне, готовя поминки. Проститься с купцом Ситниковым пришло неожиданно много людей. Несколько купцов, соседи и ещё непонятно кто.

Несмотря на прохладную погоду, поминки устроили во дворе. Дома вместить такую толпу места бы не хватило. Откуда-то притащили длинные скамьи, которые укрыли половиками, столы соорудили из подручных средств, используя козлы для распилки дров, старые двери и разные доски. Всё это тоже прикрыли холстиной.

– Отмучился, родимый, – всхлипывала Павлина Конкордиевна на поминках.

– Сиротинушка, – обливал меня слезами какой-то мужик.

Мой статус был чётко прописан в завещании. Если деду Лукашке, Маруське и Ничипору купец отписал по пять рублей, свояченице – тридцать, то мне досталось всё движимое и недвижимое имущество. Но за маленьким нюансом: до двадцати одного года я оставался под опекой Павлины Конкордиевны.

Как и что будет дальше, волновало и меня, и Сергея. Вообще-то Ситникову положено было сообщить в полицию о новом постояльце. Но купец вначале был занят, потом заболел. Статус Серёги в доме по-прежнему был неопределённым. Павлина Конкордиевна его, конечно, уважала, но запросто кто-нибудь мог и «стукануть». С другой стороны, стараниями той же Павлины Конкордиевны слухи о Серёге были такие, что его слегка побаивались.

В любом случае нужно было доставать кубышку, заныканную купцом, и платить стряпчему, чтобы оформил пребывание Сергея Павловича Иванова в Екатеринодаре по всей форме. Перед самой смертью Иван Григорьевич поведал мне тайну схрана. Очень горевал, что всего сто сорок рубликов серебром и пять золотом смог отложить на «чёрный день».

Хороший был человек Ситников. Я искренне сожалел о его смерти. Да и люди, пришедшие на поминки, говорили не просто формальности, а добрые слова в адрес купца. Потом, конечно, когда подвыпили, уже стали отклоняться от «темы». Каких-то три пожилых казака начали мне втирать по поводу царя-батюшки и бороды. Раньше казаков заставляли бриться, и только Александр III разрешил отпускать бороды. Серёгу тема бороды неожиданно заинтересовала. Он подсел к казакам с расспросами. Мне же пока брить было нечего, а вот мой дружок по этому поводу страдал. Имеющийся у купца инструмент внушал ужас одним своим видом. Ходить к брадобрею стоило денег, но два раза в неделю Сергею приходилось всё же навещать цирюльню. Кстати, Иван Григорьевич бороду тоже носил, как и было положено по статусу. Но в городе имелись безбородые купцы. Элита, так сказать. Те, кто торгует с заграницей. Как правило, это купцы первой гильдии и при больших деньгах.

Я прислушивался к разговорам за столом, но больше смотрел по сторонам. Приглядывался к снующему в подавальщиках Ваське, сыну Катерины Уваровой, той вдовы, что помогала Маруське по хозяйству. Старшая дочь Катерины Машенька тоже крутилась на кухне. Из воспоминаний Николая я был в курсе, что парню эта девушка нравилась. Мне же она показалась не очень. Ни возрастом (шестнадцать лет), ни внешностью. Потому я подчёркнуто был с ней холоден.

Когда кто-то из гостей начал распевать песни, я велел с поминками закругляться. Но пьяные казаки ещё пытались показать умение владеть шашкой и рвались продемонстрировать джигитовку на наших конях. Последних гостей выставили со двора ближе к полуночи. Женщины остались перемывать посуду и наводить порядок, а мы с Сергеем отправились спать. В

этот день больше никаких бесед не вели, зато на следующий все жильцы дома собрались узнать о своей судьбе.

– Как служили, так и продолжайте, – сообщил я и заработал одобрителный кивок Павлины Конкордиевны.

Честно говоря, мне как раз заниматься делами времени не было. Оформление завещания и прочая бюрократия требовали личного присутствия.

Только через два дня я взял у Павлины Конкордиевны ключи от подвала под предлогом, что нужно пересчитать товар и запасы на зиму. Так-то запасы солений пополнялись и без моего участия. Женщины и капусту засолили, и даже тыкву – новое для меня блюдо. Но мне требовалось попасть в подвал, чтобы выкопать возле третьей левой опоры кубышку. Серёга страховал.

Копаться в подвале днём мы не рискнули. Дождались, когда обитатели флигеля лягут спать. Сергей дошёл до туалета, а потом вдруг решил проверить двери в подвал и понял, что они незаперты. Почти сразу мы обнаружили, что на сундуке в коридоре, где обычно спал Ничипор, лежит муляж, а его самого в нет.

– Воровская натура, – прошипел Серёга. – Наверняка тоже знает о захоронке. Думаю, у него есть дубликат ключей. Открыл вначале люк, затем изнутри засов на дверях. Люк снова запер, чтобы никто не догадался, а сам зашёл со двора.

– Сейчас мы его поймаем на месте преступления, – ничуть не огорчился я. – Люк заперт на навесной замок, значит, единственный выход через двери во двор.

– Если откроем дверь, он заметит, – не одобрил мой план Сергей. – На улице не так уж темно. Ночь звёздная. Давай я зайду через люк, а ты, когда услышишь мой крик, перекрывай выход.

Замок на люке открывали с большими предосторожностями, боясь спугнуть вора. Потом я побежал во двор ждать условного сигнала, а Сергей начал спускаться. Уже возле входа я сообразил, что мы немного перемудрили. Забыли, что вначале в подвал ведут шесть ступеней, затем площадка шириной метр, на которой ещё одни двери, служащие тамбуром, и только потом несколько ступеней до пола. Ничипор точно не стал бы оставлять все двери открытыми. Значит, свет с улицы он не заметит.

В общем, ждать условного сигнала от Серёги я не стал, а, чуть приоткрыв левую створку, прошмыгнул внутрь. Там уже на ощупь, в полной темноте спустился до площадки. Долго шарил, пытаясь найти дверную ручку. Потом вспомнил, что у этих дверей ручки не было, они распахивались внутрь, как ворота, и запирались на засов.

Серёга к этому моменту уже обнаружил вора и крикнул: «Лови!» Я толкнул двери немного раньше, чем следовало. Ничипора они не задели. Зато он сам, почти поднявшись по ступеням, замахнулся на меня лопатой, намереваясь ударить. Хорошо, мои глаза уже привыкли к темноте, и света той свечи, что горела в подвале, хватило, чтобы увидеть опасность. Единственное, что мне пришло в голову, – это столкнуть парня вниз. Поэтому я подпрыгнул и, вцепившись в верхнюю балку проёма, с силой толкнул Ничипора ногами.

Почти одновременно со мной со спины парня подскочил Сергей. Он тоже пнул его, но в обратную сторону и сам начал заваливаться сверху. Его удар оказался сильнее моего. Лопата Ничипора врезалась в балку, а он вместе с Серёгой дружно упали. Странно как-то упали. Не вниз, а тут же, на площадку. Мне казалось, она шириной всего метр, а не два. Пока я соображал, Серёга заголосил:

– Вот же дрянь, гадость какая!

– Что случилось? – не понял я.

– Стой на месте, я сейчас за свечой сбегая. Тут что-то непонятное: череп, кости! – крикнул Сергей и кинулся по ступеням вверх, распахивая дверь во двор.

И тут же яркий дневной свет залил помещение. Я невольно охнул и оглянулся. Нет, всё правильно. У меня за спиной были ступени, которые вели наверх. Я тоже выбрался наружу,

постоял, не понимая, что произошло. На дворе звёздная ночь. Огляделся по сторонам, прислушался к звукам из соседнего двора, снова спустился в подвал и замер в недоумении. То, что я увидел, не укладывалось в голове. Создавалось впечатление, что ступени отражают сами себя. Площадка увеличилась, но это точно не было зеркалом. На «той» стороне от середины лестничной площадки лежало нечто страшное, напоминающее мумию.

Я невольно перекрестился и начал пятиться, и только появившийся на другой стороне Серёга остановил моё бегство.

– Стой. Подожди. Только не переступай впереди себя черту, – предупредил друг. – Поздравляю, ты снова открыл временной портал. Я в двадцать первом веке.

– А это кто? – кивнул я на мумию.

– Мм... Ничипор, судя по всему. – Сергей поддел сапогом труп. Рука мумии немного сдвинулась и на наших глазах рассыпалась на мелкие кости.

Снова у меня возникло желание перекреститься, а лучше выскочить из подвала. Серёга, похоже, просёк моё состояние.

– Не паникуй, сейчас разберёмся. Жди и никуда не уходи, я хочу кое-что проверить.

Ходил он недолго и скоро вернулся весь мокрый, но с ящиком тех железок, что оставили в подвале предыдущие владельцы дома. Какую-то железку кинул в мою сторону. Оказалось, это гаечный ключ. Я его покрутил в руках и пожал плечами.

– Подолби по ступеньке так, чтобы остался вмятый след, я хочу убедиться, – попросил Сергей.

Я старательно выдолбил небольшую канавку. Серёга издал невнятный звук.

– Мистика какая-то. Появляются затёртые следы того, что ты только что сделал.

– Мы не в параллельной реальности, – пояснил я. – Значит, я нахожусь в прошлом, а ты в будущем на том же месте.

– И пересекать границу портала тебе не стоит, чтобы не превратиться в мертвеца, как Ничипор.

– Но ты же прошёл, – заметил я очевидное.

– Я и в первый раз прошёл в девятнадцатый век в своём теле, а ты занял чужое.

– Мой труп тоже рядом лежит? – невольно сглотнул я липкую слюну.

– Пока не видел. Только этот, – снова пнул он останки Ничипора.

– Нужно на каком-то животном проверить твою версию, – не сдавался я.

Очень уж не хотелось мне остаться здесь, да ещё одному.

– Проверим чуть позже, – пообещал Серёга. – Пока у меня здесь нет подопытных животных. Не думай, я тебя не брошу. Сейчас, подожди.

Подпихнув мне весь ящик с инструментами, он снова убежал. Вернулся минут через десять, таща мой чемодан и ещё барахло из кухни.

– Вещи же нормально проходят? – уточнил Серёга.

– Вполне, – заверил я, потому что уже успел оценить содержимое ящика.

– Сейчас тебе ещё кое-что переброшу и побегу домой за ноутбуком. Ты же хотел тамклады поискать и какие-то технологии.

– Рояли просто сыплются с небес, – иронично заметил я. – А что с Ничипором будешь делать?

– Вот чёрт! – спохватился Серёга. – В мешок приберу. Наверное, могилу во дворе устрою. Если кто и обнаружит, то этому мертвецу любая экспертиза даст сто тридцать лет.

Пока Сергей занимался трупом, я поволол домой чемодан. Там выгрузил содержимое в сундук. Сам чемодан хотел переправить обратно, слишком необычная и приметная вещь, трудно будет объяснить его появление. Бежать снова через двор с чемоданом я не стал. Спустился через люк в коридоре. И дальше меня ждал сюрприз. Прохода в двадцать первый век не было! Я запаниковал, выскочил наружу, оббежал дом и снова проник в подвал, с облегче-

нием увидев злого Серёгу. Тот закончил паковать Ничипора и ругался, что даже после смерти парень доставляет проблемы. Я же рассказал, что только что обнаружил.

– Очень хорошо, что проход только с одной стороны, – обрадовался Сергей. – Зато никто из домочадцев случайно не попадёт в портал. Правда, придётся объяснять, почему бочки таскаешь через дом, но это не главная проблема.

Чемодан я всё же принёс обратно. Сергей попросил свой мобильник. Гаджет перемещение через портал времени пережил без проблем. Серёга поставил его на зарядку, а сам занялся перетаскиванием тех стройматериалов, что я купил.

– Продашь пока плитку, трубы могут не купить. Цемент тоже продавай, но пересыпь в другую тару.

Я молча принимал все эти вещи из такого близкого, но далёкого для меня двадцать первого века. К тому времени, как я перетянул последнюю коробку с напольной плиткой, телефон у Сергея зарядился.

– Очуметь! – ошарашенно уставился на его экран Серёга. – Я, конечно, ещё проверю, но, похоже, за всё время, что мы пребывали «там», здесь время совсем не сдвинулось. А я ещё подумал, чего дождь опять льёт?! А это тот же самый дождь, что и был, когда мы в прошлое провалились.

– Ты меня точно нигде не нашёл? – ещё раз поинтересовался я.

– Нет, вообще не нашёл никаких следов. И слава богу. Мне ещё Ничипора хоронить.

Прощались мы с Серёгой часа через два. Тот поклялся, что не оставит меня одного. Ему я верил, но волновался, чтобы не закрылся портал. Так же переживал, чтобы никто случайно в него не сунулся. Снова встретиться с Сергеем мы договорились на следующую ночь.

Я вернулся в дом, через люк вошёл в подвал, дошёл до ступеней. Несколько минут постоял, не решаясь переступить условную границу. Потом зажмурился и сделал шаг вперёд. Ничего не произошло. С этой стороны портала не было, двери на засов я закрыл и вернулся обратно. Жаль, что я не могу перейти в своё время. Придётся здесь выживать и приспосабливаться. Пока же стоило проверить, что у меня находилось в чемодане.

Содержимое родного багажа порадовало. Я же рассчитывал на осеннюю погоду. Положил с собой джемпер, запасные туфли, ботинки, пару брюк, куртку, шарф, шапку.

В обуви я сразу разочаровался. Для Николая Ситникова она была велика, впрочем, как и брюки. Но те хотя бы можно по длине подшить. С обувью варианта не было. «Продам», – решил я. Но больше всего обрадовался пакету с трусами, футболками и носками. Это точно всё годилось. Боже мой! Шампунь, одеколон! Знакомые ароматы чистоты и достатка! Местный аналог зубной щётки у меня имелся, но это не сравнить с тем, что оказалось в моём несессере.

Спать я лёг, когда занимался рассвет. Подремал часа три и подхватился. Павлине Конкордиевне сообщил, что Сергей с Ничипором рано утром уехали за очень редким и дорогим товаром.

– И что, они на девять дней Ивана Григорьевича не будут? – удивилась женщина.

– Не думаю, что успеют вернуться, – ответил я.

Ключи от подвала я экономке не вернул. И лавку открывать в этот день не собирался. Прихватив обувь, которая мне не подошла, и несколько образцов плиток, побежал в город. С обувью я управился быстро. А вот с плиткой пришлось походить. Со строительными подрядчиками Ситниковы не были знакомы. Да и потом, я долго пояснял, что за товар имею и сколько хочу получить. Купец обещал прислать посмотреть на партию своего доверенного. Тут уже я заартачился. Образцы у меня были на руках. Зачем же всю партию смотреть? Как же мне не хватало Серёги за спиной! С купцом мы так ни до чего и не договорись.

Домой я вернулся с двадцатью рублями от продажи обуви и грустными мыслями о своём будущем.

Глава 8

До вечера и встречи с Серёгой я много чего успел сделать. Прежде всего прикрутил на свой сундук навесной замок, обнаруженный в ящике с инструментами из XXI века. Защита так себе. Но случайно в него нос уже не сунешь. А то Павлина Конкордиевна намекала, что готова переехать в дом, в спальню Ивана Григорьевича. Пока я отговаривался, что нужно бы всё отмыть, очистить и выкинуть перину. По поводу вонючей перины поднялся крик. Как же! Это же целое состояние! Маруся обещала выстирать. Только попозже. Сейчас не та погода, чтобы сушить перо. И перина купца продолжала вонять на весь дом.

В общем, пока вопрос со спальней и переездом экономки из флигеля оставался открытым. Флигель был довольно большим строением. Вполне приличный дом. Только деревянный. Он имел одну общую стену с конюшней, но если сравнить с тем, как жили сейчас в станицах, то очень достойное жильё. Павлина Конкордиевна желала просто повысить свой статус. Если бы не портал в подвале, я и возражать не стал бы. Сейчас же имел другие планы. А ещё очень волновался по поводу назначенной встречи с Серёгой.

Просто не мог дожидаться, пока все уснут. Засов на дверях открыл ещё днём. И, когда стемнело, вылез через окно спальни, пользуясь тем, что меня не видно из флигеля. Конечно, если бы кто-то пошёл в туалет, то заметил бы моё странное поведение. Но в этот поздний час желающих посетить удобства не было.

К моей огромной радости, Серёга уже был на месте и даже какие-то тюки успел перебросить через границу портала.

– Привет, – обрадовался он моему появлению. – А я тут будильник допотопный раздобыл, выставил на нём время и решил оставлять рядом записку. Чтобы ты знал, когда приду. Только время местное.

– Два часа дня, – отметил я. – Здесь около десяти вечера.

– Ты чего так рано пришёл? – тут же сообразил Сергей.

Я объяснил почему.

– Я так и подумал, что ты будешь волноваться, потому ещё кое-кого припас.

Выскочив на улицу, он вернулся буквально через минуту, неся картонную коробку с дырочками.

– Кота поймал бездомного, – выудил Серёга животное из коробки. – Сейчас проверим.

Я не ожидал, что Серёга сразу кинет мне его. Кот и так уже был ошалевший от долгого пребывания в коробке, а тут его ещё куда-то швырнули. Котья мявкнул, оцарапал мне руку и рванул обратно.

– Что и требовалось доказать, – резюмировал Сергей и переступил границу портала.

– Ты чего?! – задохнулся я от возмущения.

– Как видишь, хожу в обе стороны без проблем, – продемонстрировал Сергей ещё несколько раз свои возможности.

– Тебе-то зачем сюда? – не понял я.

– Микола, – усмехнулся Серёга и выудил из пакета две банки пива, – садись, поговорим за жизнь.

Пиво я взял и пристроился рядом на ступеньке.

– Мы же теперь с тобой, как Властелины мира. Знаем будущее наперёд. Я вчера радовался возвращению ровно до того момента, пока дома не включил телевизор. А потом... Мы хотели здесь заработать бабла и срулить в «тёплые края». Теперь появилась возможность многое изменить.

В этом плане я был с ним согласен. Вернее, у меня возможности выбора были ограничены. Снова напомнил Серёге, что зарождающееся революционное движение остановить не получится.

– Можем сместить акценты, – не согласился Сергей. – Я вчера почти не спал, в Интернете сидел. Кубань и Дон были вполне благополучными районами России. Да и Дальний Восток тоже. Вся буча закрутилась вокруг Питера, Иваново и рядом. Вот этих рабочих и нужно переориентировать на своих собственных заводах. Дать им такую жизнь, чтобы о восстаниях и думать не смели.

– Впереди Русско-японская война и Первая мировая, – сказал я. – А как мы знаем, основной причиной Первой мировой стало стремление европейских правительств к переделу мира.

– Что-то сумеем сделать в любом случае, – возразил Сергей. – Даже если Николай II снова отречётся от престола, то тебе очень пойдёт роль главы Временного правительства. Керенский в своё время профукал удачную возможность предотвратить выступления рабочих.

– Не можешь предотвратить пьянку – возглавь её? – усмехнулся я, допивая пиво.

В целом я был согласен с другом. Даже если не справимся, то собрать манатки и сбежать в благополучную страну всегда успеем.

– Я тут распечатки подготовил по кладам, – придвинул Сергей мне листки. – И ещё открытия в области медицины. Аспирин, как ты и хотел.

– Для начала нам нужны деньги, – заметил я.

– И не только здесь, но и там, – кивнул Серёга на противоположную сторону от портала. – Может, я кубышку купца выкопаю и продам?

– У тебя есть знакомые в этой области? – усомнился я.

– Дядю Артёма спрошу.

– Спроси, конечно, – не стал возражать я ни против продажи, ни против извлечения кубышки. – Но лучше пока возьми мою банковскую карточку. Пусть российские банки снимут какие-то проценты, но это для нас не так важно. Жаль, других средств нет и моё имущество ты продать не сможешь.

Дав указания Сергею, что купить в первую очередь, я попрощался и понёс тюки вначале во двор, а затем снова в подвал, только через люк в коридоре. В двух больших тюках была ткань на продажу, а в маленьком – коробка с лекарствами и прочие предметы гигиены, включая туалетную бумагу.

Разбираться с этим у меня не было сил. Спать хотелось невероятно. Я же вторые сутки на нервах, а впереди суматошный день с поминками. И на кладбище надо сходить, и принять гостей, кто зайдёт на девять дней со дня смерти Ивана Григорьевича. Специально звать не принято. Люди сами должны вспомнить. А то, что соседи не забудут и придут на дармовую еду, я ничуть не сомневался.

Маруська с утра отправится на рынок, купит пару петухов. Своих кур резать мы не хотели. Тесто было ещё с вечера поставлено. Рыбу почистит и пожарит Катерина. Особых разносолов не планировалось, но поесть люди любили. Только спиртное я решил ограничить, нечего пьянку устраивать.

Когда вернулись с кладбища, я сразу извлёк приготовленные бутылки и ведёрный бочонок с вином.

– Павлина Конкордиевна, вот это всё выставляете и ни стаканом больше, – предупредил я экономку.

– Обчество не поймёт, – покачала головой женщина.

– Иван Григорьевич был непьющим, не думаю, что он одобрил бы пьянку на своих поминках, – ответил я.

В любом случае выбора у Павлины Конкордиевны не было. Ключи я и не думал ей возвращать, сообщив, что теперь у меня в подвале хранится ценное имущество.

Гости шли в течение всего дня. Даже когда поняли, что здесь уже не наливают, всё равно приходили на халяву поесть. Откуда-то снова паломники забрели. Я скрипел зубами, но не выгонял этих ходячих рассадников инфекций и вшей. Успокаивал себя тем, что Серёга достаточно антибиотиков, шампуней от вшей и моющих средств передал. Не так, конечно, много, как хотелось, но он за день и так много чего успел купить. В ближайшее время я планировал устроить дезинфекцию дома.

Пока женщины сутились и ухаживали за гостями, я успел поспать. Последних гостей выпроводил за ворота уже затемно. Помог деду убрать во дворе и сел у себя в комнате, ожидая назначенного времени встречи.

Ожидание немного затянулось. Маруська с Катериной ещё долго возились на кухне, потом дед Лукашка шастал в туалет. Никак переел на поминках. Только к полуночи народ утомился, и я смог выбраться в подвал. Сергей не просто ждал, а уже перетаскал весь груз, заполнив площадку.

– Что-то ты много всего приволок, – заметил я.

– Думаю, завтра вернусь «домой», – сообщил Серёга. – За кладом нужно в Московскую область ехать. Здесь поблизости ничего толкового не возьмём.

– А документы? – напомнил я.

– А фотошоп? – покрутил у меня перед лицом бумагой Серёга. – Скачал в Интернете образцы документов этих лет. Имя удалил, своё вписал.

– Печать на принтере, – скривился я.

– На лазерном принтере. Плюс чуток помял лист, где-то капнул свечой, где-то грязными пальцами взялся.

– Всё равно можно распознать подделку, – не одобрил я.

– Позже сделаем нормальные документы. Пока мне и этого «Билета» хватит.

Товары для продажи мы перенесли в подвал и пока демонстрировать их кому-либо не собирались. Только личные вещи. Серёга прикупил себе более-менее приемлемое из вещей. Пальто хоть и было пошито в другом веке, но смотрелось вполне органично – стильно и богато. А что по фигуре, так это портной хороший был, из Франции.

Спать этой ночью мы не стали. Занавесили в доме поплотнее шторы, заперли двери, зажгли фонари и начали везде брызгать спреями от насекомых. Только столовую оставили на потом. И просидели в ней до утра, перебирая распечатки, сделанные Серёгой.

– Однозначно выбираю дизельный мотор, – сообщил я, когда прочитал, что ещё пять лет до того времени, как Рудольф Дизель оформит патент. – Серёга, хочешь стать нефтяным магнатом? Мне для мотора солярка потребуется.

– Пока обойдётся растительным маслом. Сам Дизель представил на Всемирной выставке в Париже модель, работающую на арахисовом масле. Будем рапс выращивать и из него масло отжимать.

– Всё равно надо бы Майкопскую нефть под себя подмять, – не согласился я.

– Николай, не гони коней! Не успеем мы всё сразу и бегом. Вначале мне нужно нормально легализоваться. Откроем пару заводиков «лёгкой промышленности», а потом уже начнём активную деятельность.

– Но патенты нужно сразу оформить. Время идёт, настоящие изобретатели буквально на пятки наступают, – хохотнул я.

Утром Серёга изобразил «возвращение домой». Как он принёс все те баулы, которыми была заставлена столовая, вопросов не возникло. Все посчитали, что Серёге кто-то помог. А я только рано с утра встретил. Серёга душевно поздоровался с Павлиной Конкордиевной, подарил ей шикарную шаль в тёмных тонах, но такой богатой расцветки, что поразил даму в самое сердце.

– Ещё привёз французский препарат от вшей, клопов и прочих насекомых, – продолжил Серёга. – Так что сегодня будем дома прибираться. Павлина Конкордиевна, большая просьба не распространяться соседям о моём предпринимательстве.

Перину Ивана Григорьевича наконец снесли на конюшню. Я и свою вынес туда же, но Маруся её быстро прибрала. Кровати и сундуки тоже вынесли пока во двор. Ещё ночью мы из сундука Ничипора вынули его личные вещи и выкинули через портал. Серёга сообщил всем домочадцам, что Ничипор получил расчёт и нанялся к другому купцу, отправившись с ним в Темрюк. Ничипора в доме Ситникова не очень любили и горевать о потере помощника никто не стал. Правда, мне задали вопрос об открытии лавки для торговли.

– Как только Сергей Павлович закончит свои дела в столице, купим заведение поприличнее, – сообщил я. – У нас будет совместное владение магазином.

Павлина Конкордиевна недоверчиво покосилась на Серёгу, но не осмелилась сказать что-то против.

Я же ринулся отмывать комнаты от грязи и трупиков насекомых. Вычищали дом до самого вечера. Сергей ватных одеял принёс четыре штуки и постелил их вместо перин на кроватях. Сам он устроился в комнате Ивана Григорьевича. Спать в моей спальне на сундуке Серёга больше не хотел. Объёмные купеческие подушки тоже перенесли во флигель. Снова женщины хотели что-то сказать против такого «кошунства», но, рассмотрев постельные принадлежности, которыми мы застелили кровати, сразу примолкли. Меня же привычного размера подушки более чем устраивали. И главное, в доме больше ничем не воняло. К вечеру Маруся ещё протопила печь, и стало совсем хорошо.

На следующий день Серёга продолжил «устанавливать свои порядки».

– Кофию я приучен пить по утрам, – ошарашил он Маруську. – В первый раз покажу сам, а дальше изволь мне заваривать его перед завтраком.

– Так завтрак... – начала было Маруся.

– Яичницу с беконом, – перебил Сергей. – Деньги за постой я Николаю Ивановичу выделил.

Вместе с ковшиком для варки кофе Маруське был передан казан и несколько кастрюль из тех, что валялись в доме в другое время. Деваха от обилия такой шикарной посуды обомлела и кинулась выполнять поручение.

– К кофе сервис нужен другой, – заметил я Серёге чуть позже.

– Буржуй, – усмехнулся он. – Пей из того, что дали.

После завтрака я велел деду запрягать бричку. На вокзал за билетами мы не собирались идти пешком. Серёга ещё раз уточнил, точно ли он нигде не влезет в грязь, и нацепил щегольские ботинки. Где только купил такие? А уж когда надел пальто, фетровую шляпу и выудил из баула трость, дар речи и я потерял. Потом опомнился и попенял Сергею, что он мне обуви нормальной не купил. Моя старая велика на три размера.

– Куплю, когда вернусь, – заверил Серёга и велел «подавать экипаж».

Кажется, все, кто наблюдал, как Серёга загружался в бричку, решили, что всё это время здесь жил инкогнито какой-то ревизор. По крайней мере, финальную сцену этого бессмертного произведения народ воспроизвёл очень достоверно. Я в своей купеческой одежке, в картузе и сапогах смотрелся на фоне Сергея мальчиком на побегушках.

Дед Лукашка тоже долго пялился, не веря, что в бричку сел тот самый парень, который предыдущим днём ползал по полу, отмывая углы. И чтобы совсем «добить» в придачу и своих соседей, Серёга вынул из портфеля перчатки, надел их и со словами «Трогай, голубчик» похлопал деда по спине.

Глава 9

На вокзал мы отправились, только чтобы узнать о билетах. Но и вероятность сразу уехать не исключали. Сложилось всё как нельзя удачно. И билеты в первый класс (шестнадцать рублей!) имелись в наличии, и до отправления оставалось ещё полтора часа. Я не поленился опросить служащих и узнал насчёт питания в пути. Выяснил, что обедать можно в ресторанах на больших станциях. Только желательно заранее известить по телеграфу, что такой-то господин изволит откусать. Можно в пути и просто продуктов перехватить, но я решил не рисковать. Серёге и так будет некомфортно ехать. Жаль, я не мог составить ему компанию – портал в другой мир держал меня при доме. Но лучше избавить Сергея от дополнительных проблем. Так что, потратив ещё полтора рубля, я отбил несколько телеграмм по пути следования поезда.

В Москве же Серёге придётся всем заниматься самому: снять гостиницу, купить себе неприметные вещи попроще и потеплее и как-то потом начать поиски клада дворянина Байкова. Согласно информации из Интернета, этот достопочтенный господин, поссорившись с наследниками, продал имение, перевёл ценные бумаги в золотые монеты и драгоценности и спрятал всё. Обнаружили клад с письмом-завещанием только в середине 50-х годов XX века. Господин Байков отчего-то был уверен, что оставил достаточно «подсказок», и наследники, хотя и с трудом, но найдут клад. Вернее, найдёт самый сообразительный. Увы, таких в роду Байкова не окажется. У Серёги теперь был шанс добраться до укромного места в общественном парке. Конечно, в Москве уже мог быть снег, и это затруднит поиски, но и ждать до весны Серёга не хотел. Его никак не устраивали наши жалкие продажи в лавке. Кстати, лавку я собирався предложить тому Саркисяну, которого отец Николая так не любил.

Посадив Серёгу на поезд, я велел деду Лукашке править к дому Саркисяна. На то, что купец будет на месте, я не рассчитывал, но у меня было заготовлено письмо с предложением обсудить продажу лавки и места в торговом ряду.

Забегая вперёд, скажу, что выручил я за товар в лавке и саму «сараюшку» триста двадцать рублей. Торговались мы с Саркисяном долго. Мужчина был уверен, что надул мальчика, который без папенькиного надзора сразу прекратил торговлю. Примерно на сто – сто пятьдесят рублей он точно обманул. Но у меня были другие планы вместо того, чтобы трястись над этим имуществом.

Зато освободилось время. Я смог пройти по Красной, пообщаться с приказчиками магазинов, выдавая себя за доверенного господина Иванова Сергея Павловича. Мол, сей достойный муж скоро вернётся и хочет приобрести недвижимость, желательно с магазином. Попутно я сбыв рулоны с тканями. Хорошо продал, по сорок рублей каждый.

Жаль, магазинов на продажу не нашлось. Зато мне удалось узнать о выставленном на торги доме одного из разорившихся дворян. Дом располагался на Екатерининской, что было неплохо. Это одна из самых чистых и благоустроенных улиц города. Выяснив адрес Авдеевых, я сходил посмотреть на дом. Кирпичный первый этаж и деревянная надстройка были типичными для этого времени. Каретная и конюшня тоже прилагались к владению. Оставалось только дожидаться Сергея, чтобы решить вопрос с покупкой дома.

Изнервничался я, ожидая его, так, что аппетит пропал. На восьмой день я только что по потолку не бегал от беспокойства. Тут ещё появился купец, которому я показывал напольную и настенную плитку. Честно говоря, я о нём забыл. А тут он мне попался под горячую руку. Рывкнул так, что у того чуть картуз с головы не сдуло.

На следующий день купец снова пришёл с поклоном обсудить товар и цену. Аналога в этом времени не было. Вернее, керамическую плитку знали, но она была ручной работы и очень дорогой. Моя выглядела если не дороже, то необычно. Крупный формат, идеальный размер. В общем, вместе с цементом и затиркой сторговал всё за пятьсот рублей.

Продажа не прошла мимо Павлины Конкордиевны. Так-то она знала, что «привозили» и складывали в подвал товар, который ей не показывали. Женщина и не догадывалась, что настолько дорогой. А Лукьян Кузьмич торговался так громко и самозабвенно, что вся прислуга оказалась в курсе порядка цен. Потом, когда во двор загнали подводы, Маруська так и норовила заглянуть, что в тех картонных упаковках так дорого стоит. Но тут уже помощники купца отгоняли зрителей. Плитка была со всеми предосторожностями перестелена соломой и увезена, а я остался с огромной суммой на руках. И главное, в банк положить деньги не мог. Официально у меня имеется опекун и до двадцати одного года я деньгами не могу распоряжаться.

Сделка с Лукьяном Кузьмичом меня немного отвлекла. Потому неожиданностью стало, когда у ворот остановился извозчик и из кибитки выгрузился Серёга.

– Сергей Павлович, исхудали-то как! – сразу запричитала Павлина Конкордиевна.

– Зато дела с наследством батюшки решил наилучшим образом, – ответил Серёга и подмигнул мне.

– Маруська, обед подавай! – начала командовать экономка, пока я помогал Серёге разгружаться.

– Что это ты притащил? – недоумевал я.

– Не покупать же каждый раз одежду, когда снова поеду, – ответил Серёга.

Надо понимать, это не последний наш клад.

– Чего так долго? – стал выпрашивать я друга, уведя в свою комнату подальше от любопытных ушей.

– Поезда медленно ходят – это раз, искал два дня и копал ночью – это два, потом нужно было легализовать золото в банке, продать драгоценности – это три. Открывал счёт, занимался документами. Один шустрик мне «Билетъ» выписал всего за два рубля. Так что я теперь в Екатеринодаре на законных основаниях могу жить целый месяц. За это время нужно купить дом и встать на учёт.

– Дом я уже присмотрел. Не томи, сколько по деньгам получилось? – поторопил я Серёгу.

– Пляши... – усмехнулся он, но долго томить меня не стал: – Пятьсот сорок две тысячи.

– Полмиллиона?! – ахнул я.

– Для наших планов это капля в море, – отмахнулся Серёга. – Но для старта нормально.

Смотреть дом отправились на следующий день. На самом же деле Серёге было без разницы. Жить в нём он не планировал. Главное было отселить мою опекуншу и начать зарабатывать себе имя в городе.

– Оформим владение на тебя, – решил Сергей. – Я куплю дом с магазином.

– Нет ничего на продажу, – пожаловался я.

– Значит, построим. С покупкой надела земли под строительство проблем нет?

– Не должно быть, – ответил я. – Только проект нужно предоставить.

– Совсем забыл, на каком факультете я учусь? Пусть строительное черчение мы изучали всего полгода, но для этого времени хватит.

– Принесешь им компьютерную распечатку? – съязвил я.

– Тебе принесу, а ты перерисуешь, вспомнишь молодость, когда карандашом делали проекты, – хохотнул Сергей.

Покупка дома затянулась. Купчую на меня можно было оформить, но только при свидетельстве опекуна. Бывшие владельцы хоть сразу и получили пять тысяч, но переезжали и грузили своё добро, считай, месяц. Мы с нетерпением ждали дня, когда дом освободят.

На сороковой день скромно помянули Ивана Григорьевича. В дом гостей я заводил партиями, и только в столовую. Пока одни сидели за столом, других не пускал. Желаящие отведать халявной еды сами поторапливали тех, кто обедал.

Приближалось Рождество, а мы ещё не обосновались на новом месте. Серёга уже и ковры в подвал притащил, и кровати в разобранном виде с матрацами. Только везти это добро

было некуда. Наконец двадцать третьего декабря все проблемы были решены. Сергей поставил женщинам задачу: отмыть дом. Деду Лукашке было велено перевести лошадей и навести в конюшне порядок, а сам тем временем нанял грузчиков и подводы.

Павлина Конкордиевна так и не поняла, откуда доставили вещи и мебель. Её потрясло наличие ковров как таковых. А уж когда она поняла, что они с Маруськой будут жить в новом доме, а не в старом флигеле, даже расплакалась. Дед Лукашка тоже слезу пустил. Он вообще решил, что его вот-вот выгонят. Я же попросил его нанять помощника только потому, что ещё до переезда дед расхворался. Кашлял, температурил. Антибиотиком я его быстро на ноги поставил. Попутно узнал, что «деду» всего пятьдесят шесть лет! Выглядел он на все восемьдесят, а то и больше. Всё же суровая жизнь сказывается на внешности.

После переезда мне пришлось долго его успокаивать. Громко и при свидетелях я объявил, что он назначен старшим на конюшне и пусть подбирает себе не одного, а двух помощников. Заодно нормальный экипаж и новую телегу купим.

Рождество отметили душевно. В новом доме, в обновках и с подарками. Серёге несложно было купить вещи в будущем. От себя я выдал всем слугам по рублю, а своей опекунке подарил брошь.

Делами мы занялись сразу после праздников. Я нанял грузчиков и перевёз все солёные-варёные из купеческого подвала в сарай нового дома. Серёга снова ушёл в XXI век. Он планировал заказать железные решётки на двери и окна для «того» дома, а также решётки и крепкие замки для нашего подвала в этом времени.

Ещё я разведывал ситуацию с покупкой участка под строительство магазина. Так-то по городу много чего строилось. Купцы спешили закончить все свои дела к приезду императора, который, оказывается, посетит Екатеринодар в сентябре 1888 года.

Именно под магазин выхлопотать место не получилось. Разрешение давали на доходный дом в три этажа, не меньше. Если на первом этаже будет заведение или магазин, это только приветствовалось. Можно было, конечно, дать кому-то взятку и переиграть такую установку, но прибежавший из портала Серёга решил, что нас всё устраивает.

– Своих же людей там и поселим. Только мне некогда чертежами заниматься. Давай я тебе ноутбук принесу с солнечными батареями.

Начертить общую схему много времени не потребовалось. Дольше мы обсуждали, что и как устроим. Сделали с таким расчётом, чтобы потом можно было внутренние помещения усовершенствовать. С этими чертежами мы и отправились к архитектору, который был очень недоволен, что кто-то делает его работу, пытался найти ошибки, доказать, что так строить не принято, и всячески набивал себе цену. Получилось, что чертежами занимались почти до марта.

За это время Сергей с обеих сторон обеспечил портал надёжными запорами. По его словам, в будущем это уже напоминало бункер. Здесь же мы пока никак не могли разгуляться. Правда, забор от соседей укрепили и подняли. Теперь Фроськин кабысдох не мог пробраться в наш курятник. Хотя кур Павлина Конкордиевна и перевезла на новое место, но пёс продолжал устраивать диверсии под хлипким забором.

– Нужно свою собаку завести, и кота, чтобы мышей ловил, – решил Серёга и пошёл в будущее воплощать свой замысел.

Собака, и хорошая, у Ситниковых когда-то была. Померла от старости, а новую Иван Григорьевич брать не стал. Кота же порвал всё тот же Фроськин бандит. Но в новом доме были другие условия и другие соседи.

Хорошенького рыжего котёнка Серёга принёс быстро. А насчёт собаки решил со мной посоветоваться.

– Давай чуть позже, – предложил я. – С собакой заниматься нужно, а у нас дел невпроворот.

Архитектор, получив десять рублей за «моральный ущерб», наконец одобрил проект доходного дома с магазином на первом этаже. Можно было уже набирать строителей и заказывать материалы.

– Радует, что сейчас в этом регионе более сорока кирпичных заводов, – озвучил Серёга прочитанную в Интернете информацию.

– Да что там те заводы, одно название, – скептически заметил я.

– Город они снабжают, и очень хорошо. Столько всего строится!

Завязок среди строителей у нас не было, но тут я вспомнил о Лукьяне Кузьмиче и навещал его. Каким-то образом купец был уже в курсе, что я купил дом за пять тысяч. Это сразу добавило мне уважения с его стороны. В нашу проблему Лукьян Кузьмич вник быстро и пообещал обеспечить не только материалом, но и рабочими. Ведение дальнейших переговоров я предоставил Серёге. У нас же совместное предприятие, вот пусть он и решает вопросы со строителями, а я займусь ремонтом старого дома Ситниковых. Зря я, что ли, столько материалов покупал? Конечно, теперь самому придётся всё делать.

Флигель, конюшню и прочие хозяйственные постройки мы планировали снести. Сергей предположил, что рано или поздно наступит момент, когда наши преобразования в прошлом скажутся на будущем. И кто знает, что в результате произойдёт? Может закрыться портал или ещё что-то случится. Для такого случая мы должны иметь склад всего того полезного, что здесь пригодится. И где это всё хранить? Подвал не настолько большой. Потому Серёга предложил на месте хозяйственных построек и флигеля выстроить склад этажа в три и без особых изысков. Тупо из кирпича с крепкими дверями и запорами.

А дом хотелось обеспечить удобствами XXI века. Я даже место под канализационную яму присмотрел. Будем откачивать из неё стоки по мере заполнения. В доме должен быть тёплый туалет.

Пока Павлина Конкордиевна радовалась новому дому, я преобразовывал старый. Без помощника было сложно. Подумав немного, пригласил соседского Ваську. Парнишка смыслённый. На роль принеси-подай вполне годился. Велел Ваське не болтать о том, что видит в доме. И пацан действительно благоразумно молчал. Слухов, что я делаю гипсокартонные потолки и покрываю деревянные полы красивым ламинатом, не было.

Мы случайно разговорились о собаках. Васька рассказал, как у него погиб пёс.

– Умный был, всё понимал. А казаки пьяные ехали мимо... – Мальчишка всхлипнул. – Зарубили Верного, ещё и посмеялись.

– Хочешь, собаку подарю, такую, чтобы охраняла? – предложил я Ваське.

– Не... мамка не разрешит. Говорит, нам самим скоро есть нечего будет.

– Тогда я беру собаку себе, а ты будешь служить мне и растить охранника. – Заметив недоверчивый взгляд, добавил: – Рубль в месяц...

– Серёга, алаяба купи, – поставил я другу задачу. – Обещал Ваське собаку-защитника. Заодно его в доме поселим как наёмного работника. Пора уже обзаводиться своими преданными людьми. Мальчишка сообразительный. Я с ним математикой позанимался. Читать он тоже умеет.

Алаяба Сергей принёс через три дня. Щенок вызвал умиление у всех, кто его видел. Ваське я сразу внушил, чтобы собаку не баловал. Прежде всего это охранник, а не игрушка. Перечислил основные принципы дрессировки, команды и поставил пса на особое довольствие.

Павлина Конкордиевна почему-то воспротивилась, но Серёга заверил её, что, когда пёс подрастёт, воров можно будет не опасаться. По поводу воров у Павлины Конкордиевны уже был пункт. Слишком много вещей натащили мы в дом. Хозяйской рукой Павлины Конкордиевны все ковры были прикрыты холщовыми дорожками, по которым нужно было ходить, чтобы не портить ворс. Ужасно пошлые, бордового цвета с кистями шторы, которые Серёга купил где-

то на распродаже, теперь всё время закрывали солнечный свет. Это чтобы не выгорали обои на стенах.

В целом Павлина Конкордиева дорвалась до своего женского счастья. Одно её смущало, что могут найтись лихие люди и позариться на это добро. Так что алабай в роли будущего защитника дома был в тему.

Дед Лукашка нашёл себе двух помощников на конюшню. Правда, Маруська их почему-то называла бездельниками. Чтобы они не бездельничали, я предложил приобрести ещё двух лошадей. Моё предложение было воспринято на ура.

– Сергею Павловичу не по статусу извозчиков нанимать, – заявила Павлина Конкордиевна.

Серёга же лошадей не особо жаловал, но мужественно терпел, когда приходилось ездить по делам.

Стройка дома была в самом разгаре: закончили фундамент, начали привозить материалы, которые нужно было охранять и контролировать.

В старом доме тоже много чего требовалось, но сам я физически не мог это сделать. Выслушав очередные мои стенания по поводу того, как много я хочу и мало могу, Сергей привёл бригаду строителей. Быстро распределил между ними обязанности и слинял, сообщив, что вернётся вечером. В мои же обязанности входило покормить работников. И я не сразу сообразил, что меня смутило в их одежде. Только через четверть часа дошло, что Серёга привёл народ через портал из нашего времени. Сами строители так и не поняли, где оказались. Со двора я их не выпускал и бдительно за ними следил.

За неделю рабочие решили все поставленные перед ними задачи. Установили дровяной водонагреватель в подвале, провели центральное отопление. Попутно снесли ненужные печи, переместили кухню и устроили в доме туалет с ванной (правда, воду приходилось носить ведрами). И Серёга вернул бригаду обратно, в привычное им время.

Всю электропроводку я прокладывал сам, а потом красил стены. Кухонную мебель тоже пришлось таскать мне, а затем я ещё корячился со сборкой. Теперь на кухне стояла новомодная металлическая печь из будущего «под старину», отапливаемая дровами, в которой даже имелась духовка. Но главный вопрос был: где взять электричество. Можно было, конечно, припереть из XXI века генератор и горючее к нему. Но это ставило нас в большую зависимость от топлива.

Идея о ветряном генераторе у нас Серёгой возникла почти одновременно. Другой вопрос, что установить его пока было негде. Да я и не торопился. Дел и без этого хватало.

Когда стало совсем тепло, рабочие начали разбирать флигель и конюшню. Фроська что-то вякнула через забор, и уже на следующий день мужики стали копать вдоль забора траншею для фундамента под склад. Будет у меня не забор, а целая стена высотой метров десять. В ширину склад планировался метров пяти.

Почти сразу я уяснил, что работают строители хорошо и качественно, только пока я за ними наблюдаю. Пришлось до середины июля торчать на стройке. У Серёги с магазином была почти такая же история. Но надо сказать, стены строители поднимали быстро. Дальше шли отделочные работы. Но мы сразу хотели предусмотреть возможность использования электричества и водопровода, и темпы строительства резко замедлились.

Глава 10

С ветряками мы с Серёгой вообще запутались. В будущем их было так много, что я невольно задался вопросом: почему у каждого жителя страны не стоял на крыше собственный генератор?

– Удовольствие не из дешёвых, да и не во всех регионах постоянные ветры, – просветил меня Серёга.

Ветряки подразделялись на горизонтальные и вертикальные, в зависимости от принципа работы. Изучив кучу документации, мы пришли к выводу, что у обеих конструкций имеются свои плюсы и минусы. Зато купить можно было без проблем любую модель. А теперь представьте, что мы это всё установили бы на крыше здания в 1888 году. Думаю, народ толпами повалил бы разглядывать такое чудо.

Совсем отказываться от ветряного генератора мы не стали. Будет попозже. Сначала нужно подготовить техническое обоснование и теоретическую базу. По сути, ветряной генератор только заряжает аккумулятор. Использовать сразу для бытовых приборов подобное электричество не получится. Нужен ещё инвертор, преобразующий переменный ток в привычные 220 вольт. Там ещё много чего было нужно, но аккумуляторы и инверторы требовались в первую очередь.

О свойствах электричества в конце XIX века было много чего известно в научных кругах. Бернардос буквально два года назад получил патент или, как это называлось, привилегию № 194 на метод электродуговой сварки и резки металлов. А вот переменный ток для сварки ещё не применялся, и регулирующие трансформаторы ещё не были изобретены. Серёга решил готовить документы на целый ряд патентов по инверторам. Сейчас нам всё не потребуется, но пусть будут. Мы ещё не готовы открыть даже простейший цех, не то что завод по выпуску аккумуляторов и инверторов. Да и доказывать местному населению придётся долго, для чего это всё нужно. Народу пока проще запрячь лошадь, чем понять применение такого прибора, как инвертор.

– Нужны рабочие, свои подготовленные кадры, – пояснял я Сергею.

– Значит, пора начать строить своё профессиональное училище. Ты же это и планировал?

– А кто там преподавать будет? – резонно заметил я. – Преподавателей тоже нужно «натаскать» до приемлемого уровня.

– Вот и займись этим. Время-то идёт, – демонстративно постучал по ручным часам Сергей.

Он таких механических часов купил пару сотен. У нас по плану в магазине будет продаваться продукция мужского ассортимента. С Петровым я уже провёл предварительные переговоры. Портной сразу отказываться не стал, но ещё размышлял. Я сильно не наседал. Действительно, нам пока предложить толком нечего. Доходный дом построен только до первого этажа.

На заднем дворе возводилась техническая постройка. Из всех известных видов электричества в этом времени нам был доступен только генератор на паровой установке и тот же ветряк. Мы вполне могли использовать местную паровую машину, потому место для неё и предусмотрели. Но стоили паровые установки бешеных денег. Хуже всего дела обстояли с местными электрическими лампами.

– «Сначала хлопковое волокно помещали в горячий хлорцинковый раствор, где оно постепенно растворялось. Полученную жидкость сгущали с помощью насоса до тестообразного состояния и выдавливали через тонкую трубку в сосуд со спиртом. Здесь она превращалась в тонкую нить и наматывалась на барабан. Полученную нить путём нескольких промежуточных операций освобождали от хлорцинкового раствора, сушили, разрезали, заключали в v-образные формы и обугливали в печи без доступа воздуха. Затем на нити напыляли тонкий

слой угля. Для этого их помещали под колпак, заполненный светильным газом, и пропускали через них ток. Под действием тока газ разлагался и на нити осаждался тонкий слой углерода. После всех этих сложных операций нить была готова для употребления. Её помещали в стеклянный колпачок между двумя платиновыми электродами, вплавленными в стекло (дорогой платиной приходилось пользоваться потому, что она имела одинаковый со стеклом коэффициент теплового расширения, что было очень важно для создания герметичности). Наконец с помощью ртутного насоса из лампочки выкачивали воздух, так что в ней оставалось не более одной миллиардной того воздуха, который содержался в ней при нормальном давлении. Когда выкачивание заканчивалось, лампочку запаивали и насаживали на цоколь с контактами для вкручивания в патрон», – зачитывал Серёга данные, скачанные из Интернета.

Догадываетесь, какой сложный процесс и соответствующая стоимость ламп? Покупать это убожество сейчас не стоило. Но что у нас когда-то будет нормальное освещение и своё производство, я не сомневался. Пока же ставку делали на керосиновые лампы. О поставках керосина я уже договорился, а лампы Серёга купил в другое время. Их конструкция почти не изменилась.

Ещё мы с Серёгой сообразили: ведь на моём дворе в будущем остались подсобные строения – каретная, конюшня и флигель, которые, как я говорил, уже принадлежали соседям. А сейчас на месте флигеля строится склад. В XXI веке подобного сооружения нет.

– Возможно, это уже разные реальности. Пошло так называемое разветвление истории, – предположил Сергей.

– Главное, что портал работает, – констатировал я.

– Вот отвезу патенты в Питер, узнаем наверняка.

Патентов Серёга подготовил два десятка по разным областям, включая дизельный двигатель. По пути он собирался ещё пару кладов опустошить. Причём один находился в Петербурге на чердаке доходного дома. Серёга рассчитывал снять жильё в этом доме или поблизости. Всё равно надо где-то жить, пока будут оформляться привилегии на изобретения. Поездка могла растянуться месяца на два.

А чтобы я «не скучал», срочно оформили покупку земельного участка на окраине города, чуть севернее улицы Красной. Придётся снова обхаживать архитектора. Называть школой или пансионом это здание мы специально не стали. Уже вышел циркуляр министра просвещения Делянова, который потом назовут «о кухаркиных детях». Гимназии и прогимназии почти закрыты для детей кучеров, лакеев, прачек, коим «вовсе не слѣдует стремиться къ среднему и высшему образованию». Исключение делалось только для особо одарённых детей. Но это министру не требовались поголовно грамотные люди из низов. В какой-то мере я был согласен, так как это сократило поток желающих учиться в университете по гуманитарным дисциплинам. Без гимназии в университет не поступить. Мне тоже на будущих заводах нужны были образованные технические специалисты, такие, что смогут обучить других рабочих. Но чтобы не вступать в конфликт с властью, школа-пансион на плане была названа замысловато: «опытно-экспериментальная база рабочих широкого технического профиля». Участок земли под это дело мы отхватили приличный. Серёга заплатил три с половиной тысячи. Кроме пансиона, там предполагалось много чего построить: дом преподавательского состава, гараж, мастерские и другие хозяйственные строения.

Сергей отправился в поездку, а я начал метаться между всеми стройками, подгоняя рабочих, возмущаясь темпами строительства и самими работниками. То у них своруют выданный мной инструмент (хотя я предполагал, что сами же и воровали), то мой хороший, качественный цемент вдруг пропадёт. Доходило до смешного: я тупо стоял и наблюдал за каждой процедурой, будь то замес раствора или кладка кирпича. Горе-работники меня бесили неимоверно. И заменить эти артели было не на кого. Город строился, и строителей не хватало.

В конце концов я пошёл на хитрость. Со старшими артелей обсудил ситуацию. Пообещал, что выданный инструмент рабочие смогут оставить себе после завершения работ. Согласовали нормы в день. Если делали больше, я доплачивал по десять копеек. С такими ухищрениями темпы строительства ускорились.

Быстрее всего строился склад. Там-то особых изысков не было. Соседи на это сооружение косились с опаской, но не высказывались. Разве что Фроська иногда выходила на улицу, чтобы покричать на всю округу, как мы ей весь свет загородили.

Строительство доходного дома продвигалось медленнее.

А в начале сентября начали приходить городовые с требованием, чтобы никакого мусора на улицу не выносили и чистили пространство перед домом. Строители со «стахановской» скоростью стали заканчивать фасад. Окна, ещё не имеющие рам, заколачивали чистыми досками, подметали и тщательно убирали площадку. Потом спешно разобрали леса и перенесли их на заднюю сторону дома. Город готовился к приезду царя, и я тоже.

Письмо в Петербургскую жандармерию Серёга отправил на месте, а я послал донос в екатеринодарскую полицию. Историю крушения царского поезда мы изучили досконально и пришли к выводу, что всё же это был теракт. И пусть сам Александр III, выбравшись из разрушенного вагона, подберёт гнилую шпалу и обвинит управление железной дороги в неисполнении своих обязанностей, бомба в столовой всё же взорвалась.

Без угрызения совести мы с Серёгой сдали организаторов «Земли и воли», а также непосредственного исполнителя Подлевского, который так вовремя успел сойти с поезда и быстро исчез где-то во Франции. Была вероятность, что в крушении сыграли роль несколько факторов. И то, что поезд шёл с недопустимо высокой скоростью на опасном участке, и то, что тянувшие его два паровоза были слишком тяжелы для прогнивших шпал. Но эти факты можно было приплюсовать к основному теракту.

В прошлом варианте развития событий царская семья выжила чудесным образом. Но император получил во время крушения сильный удар по спине тяжёлой столешницей. Возможно, эта травма и стала причиной развития болезни почек, от которой Александр III умрёт через шесть лет. Пусть это был не самый идеальный правитель, но по сравнению с вошедшим на престол Николаем Вторым так и хочется воспеть царствующему Александру III «долгие лета» и оградить от покушений.

Сергей писал мне письма и выражал надежду, что успеет вернуться до 21 сентября, даты посещения императором Екатеринодара. По намёкам я понял, что клады мой друг отыскал, хотя разочарован содержимым. В сумме оба схрона принесли денег меньше, чем один прошлогодний. «Купил участок земли на Московском шоссе, – писал Сергей. – Там, где уже не будет электротехнического завода „Сименс-Гальске“».

С привилегиями ему пришлось долго провозиться. Требовался грамотный юрист, и ожидание затянулось. В ответ я написал Сергею, что не стоит тратить время в столице. Подтверждение о получении привилегий юрист может прислать и в Екатеринодар. Прошёл год с момента нашего попадания в это время, а мы, по сути, ничего не сделали.

А ведь уже этой осенью в Казани в кружок семнадцатилетнего Коленьки Федосеева, так же, как и я, исключённого из гимназии, придёт тихий, прилежный и религиозный парнишка Володя Ульянов. С этого момента марксистское движение начнёт набирать обороты. Как это предотвратить, я не представлял. Сейчас Владимир Ульянов, исключённый из университета, откровенно бездельничал и не знал, куда себя приткнуть. Не иначе скуки ради решил, что подпольная деятельность его неплохо развлечёт.

Серёга забил интересные факты в ноутбук о том, что Ульянов будет ещё три года болтаться без дела. Работать он даже не думает. Из-за брата его исключили из университета, вот парень и строчит письма с прошениями доучиться в России или за границей. Возможность сдать экстерном экзамены ему предоставят. И Ульянов получит юридическое образование.

Даже станет помощником присяжного поверенного в Самарском городском суде. За полтора года работы из шестнадцати дел выиграет только два, остальные будут идти с мутными формулировками о примирении сторон и так далее. Затем Ульянов переведётся в Петербург, где уже развернёт политическую деятельность.

Под псевдонимом Иванова Ивана Сергей написал статью в «Петербургскую газету» и переслал мне вырезку. В ней он с сарказмом человека из будущего едко постебался на тему зарождающегося марксизма в России. Упомянул того же Коленьку Федосеева. Не забыл и Плеханова, руководителя сначала «Земли и воли», а затем группы «Освобождение труда».

Сам Плеханов сейчас пребывал в Женеве, где «в спокойной европейской атмосфере знакомился с последними достижениями прогрессивной научной мысли». Не, нормально так устроился! Пишет статейки на экономические темы, печатает их, рассуждает о тяжёлой доле пролетариата в России. Я дурею от такой жизненной позиции! У меня по плану постройка посёлка для рабочих, поднятие цехов, налаживание производства и распространение электричества. Пусть не совсем честно, со знанием будущего, но я реально уже что-то делаю для рабочих. А этот сидит в эмиграции и поучает.

Статья И. Иванова вызвала широкий резонанс в столице. Серёга писал, что расскажет подробности при встрече. Особенно громко по поводу Серёгиной статьи визжала газета «Неделя». А мне пришла в голову мысль самим выпускать газету. Как ни странно, но запрета на такой вид деятельности не было. Мол, это тоже бизнес. Насобирали подписчиков – не разошёлся. Не стали люди читать – твои проблемы. Цензура, конечно, потом будет, но мы же не собираемся пропагандировать марксизм и призывать к революционному движению.

Вернулся Серёга 16 сентября.

– Как я подгадал день?! – радовался он. – Сейчас сбегая в «Перекрёсток» за шампанским, отметим ровно год нашего попадания. Там, кстати, не то первое, не то второе декабря. Холодрыга, наверное.

Кроме шампанского, Сергей ещё ананасов принёс и прочей иномирной закуски, включая шоколад, по которому я соскучился. Здесь-то его покупать слишком дорого.

– Серый, что там у нас по деньгам? – поинтересовался я, когда мы распили первую бутылку классического «Советского шампанского».

– В будущем?

– И там, и там.

– По кладам у нас всё неплохо получается. Чуть не надорвался, таская это золото. Немного серебра приберёг в монетах, сам знаешь, что банк обратно мне выдаст только кредитными билетами.

Мне, как сыну купца, эта система была хорошо известна. Бумажный рубль обменивался с большими процентами по сравнению с серебряным.

– Если бы не побрякушки, которые я продал ювелиру, мы, считай, ничего не заработали бы, – жаловался Сергей. – Ещё десять лет такой денежной смуты, пока Витте не введёт золото в обращение.

В XXI веке с деньгами было неплохо только по той причине, что мы почти ничего не потратили. С моей карточки Серёга снял две с половиной тысячи фунтов. Закупать что-то масштабное не могли потому, что склад ещё только строился. Да и потом придётся использовать закрытый фургон. Иначе как объяснить соседям, почему грузы только вывозятся, как из бездонного колодца? А так заедет фургон, и никто не узнает, был в нём товар или нет.

Что-то в будущем Сергей уже заказал. К примеру, вольфрамовую нить из Германии ему придётся ждать две недели на «той» стороне, так как, когда он находился здесь, время останавливалось. Что-то он частично приносил сюда в подвал или складывал в доме в будущем времени. Вакуумный насос, к примеру, уже был куплен. Как и многие приспособления для

стекольного производства. Лампочки мы обязательно будем выпускать. Пока же я складировал всё больше распечатанные технологии и чертежи.

– Закажи и купи малый кузнечный горизонтальный прессовый станок, – листал я список, предоставленный Серёгой. – Оборудование для холоднойковки металла.

– На кой оно тебе? – не понял он.

– Хорошие инструменты, а по объёму места много не занимают. Ещё несколько комплектов домашней столярной мастерской. Компактные металлообрабатывающие станки.

– Губу закатай, – обломал Серёга. – Не буду я хватать всё подряд. Делай выписки и чёткий план, что и куда. Все эти станки требуют наличия электричества, вот от этого и нужно исходить. Плюс дизельные двигатели и... тракторы?

– Да, трактор вещь нужная, – согласился я. – Только потянем ли? Учти, брать кредиты или организовывать акционерные общества я категорически не хочу. Будем обходиться своими силами.

– Своими так своими. Только нам сейчас даже деньги не помогут. Нужны кадры, люди, которым можно давать поручения, и личная охрана. Думаю, стоит проехаться по станицам, поговорить с атаманами.

– Вот пройдёт императорский смотр казачьего войска, тогда и поговорим на эту тему. Можно пригласить тех казаков, кто закончил действительную службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.